

Рампа

Годъ изданія первый. № 9.
Воскресенье, 19-го октября.

НОВЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РАМПА

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

„Рампа“ ставитъ своей задачей обслуживаніе интересовъ русскаго театра, какъ съ эстетически-художественной, такъ и бытовой стороны, кладя въ основу съ одной стороны завѣты лучшихъ представителей русской художественной мысли, съ другой—текущіе интересы актерской семьи.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Т. Ардовъ, Н. Басъ, И. Барышовъ (Мясницкій), Е. Берлинраутъ, Э. Бескинъ, Г. Бурдъ-Восходовъ, проф. Л. Владиміровъ, А. Воротиновъ, О. Гзовская, В. Гиляровскій, Э. Гольденвейзеръ (Нью-Йоркъ), Г. Гольдштейнъ (Pierre d'Or - завѣдующій художественнымъ отдѣломъ) М. Гиршманъ (Берлинъ), А. Дервишъ, В. Ермиловъ, Н. А. Ефрейторовъ (Ярославль), П. Звѣздичъ (Вѣна), Е. П. Карповъ, А. Косоротовъ (Шмель), Лознгринъ (Одесса), Я. Львовъ, Э. Маттернъ, Л. Мунштейнъ (Lolo), П. Морочнинъ, Вл. Немировичъ-Данченко, Вас. Немировичъ-Данченко, В. Никулинъ, П. Оленинъ, Е. Питоевъ (Парижъ), И. Платонъ, А. Плещеевъ, А. Полевой, И. Поповъ, М. Пуаре, С. Разумовскій, А. Сабуровъ (Парижъ), Я. Сацъ, П. Сергѣенко, Сниталецъ-Яновлевъ, П. Скуратовъ, М. Сунениновъ, А. Сулержицкій, кн. Сумбатовъ (Южинъ), А. Тези (Вѣна), В. Хавкинъ (Ростовъ-на-Дону), И. Шмитъ (Рудинъ), М. Шинъ, М. Эйшискинъ (Кіевъ), С. Яблоновскій, Яновъ и друг.

Считая одной изъ важнѣйшихъ задачъ своей программы сильную помощь въ дѣлѣ развитія провинціального театра, редакція привлекла къ обслуживанію этого отдѣла, въ качествѣ постоянныхъ корреспондентовъ, представителей мѣстной провинціальной печати.

Новыя постановки и выдающіеся моменты театральной жизни, какъ русской, такъ и иностранной, найдутъ себѣ мѣсто въ журналѣ въ видѣ фотографій и рисунковъ нашихъ художниковъ.

Въ крупнѣйшихъ центрахъ Европы „Рампа“ имѣетъ своихъ корреспондентовъ.

Подписная цѣна: годъ—6 р., полгода—3 р., 3 мѣсяца—1 р. 50 к., мѣс. 60 к.

Цѣна отдѣльнаго номера—15 копѣекъ.

Подписная цѣна съ 31-го августа по 1-е января 1909 г.—2 р. 50 к.

Объявленія: впереди текста—75 к., позади—50 к. со строки петита.

Со всѣми запросами и подпиской обращаться по адресу: Мясницкая, д. насл. Анановыхъ, ред. журн. „Рампа“.

Редакторы-издатели: { Л. Т. Мунштейнъ (Lolo).
Э. М. Бескинъ.

МОСКОВСКИЙ НѢМЕЦКІЙ КЛУБЪ.

Въ воскресенье, 19-го октября, 1908 года
Пятый Семейный Вечеръ.

Труппою драматическихъ артистовъ клуба представлено будетъ:

I. НОКТЮРНЪ.

Драма-эскизъ въ 1-мъ дѣйствіи, соч. Потовича.

II. ОТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ КЪ ПРЕСТУПЛЕНІЮ.

Ком.-шутка въ 3-хъ дѣйств., соч. Г. Д. (Сюжетъ заимствованъ).

Начало ровно въ 8 час. вечера.

По окончаніи **ТАНЦЫ** до 3-хъ ч. ночн.

Дирижеръ танцевъ В. Д. Мухинъ.

Оркестръ Александровскаго военного училища.

ОПЕРА С. И. ЗИМИНА.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ.

19-го—утр., по умен. цѣн.: „Черевички“. Уч.: г-жи Клопотовская, Правдина; гг. Эрнстъ, Шувановъ. Веч.: „Евгеній Онѣгинъ“. Уч.: г-жи Добровольская, Каренина; гг. Каржевинъ, Грызунъ, Оленинъ.

20-го—въ 1-й разъ: „Заза“ Парт. „Заза“ исп. Н. С. Южина.

21-го утр., по умен. цѣн.: „Демонъ“. Веч.: 1) „Скоморохъ“. Въ 1-й разъ партію Якова исп. В. П. Дамаевъ. 2) „Фея куколъ“, балетъ.

22-го утр., по ум. цѣн.: „Фаустъ“. Вечер.: „Гугеноты“.

Театръ при фабр. моск. тов. золот.-канит. произв. Вл. Алексѣева. И. Вишнякова и А. Шамшина (Алек. ул., Таганка). Въ воскресенье, 19 окт., съ участ. М. Д. Турчаниновой, В. Н. Трубина и О. И. Каміонскаго, пред. буд.: 1) „Севильскій цирюльникъ“. 2) „Сынъ мандарина“.

Начало утреннихъ спектаклей въ 12½ час. дня, вечернихъ въ 8 час. вечера. Билеты продаются въ кассѣ театра. съ 10 час. утра до 10 час. вечера.

Дирекція С. И. Зиминъ.

Театръ „ЭРМИТАЖЪ“

(Каретный рядъ. Телефонъ 13—96).

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ КОМЕДИЯ-ФАРСЪ С. Θ. САБУРОВА.

1. ИНТЕЛЛИГЕНТЪ—въ 1 дѣйствіи.

2. ПОМПЕЙСКАЯ ВАЗА—комедія въ 3 дѣйств. съ участіемъ О. Н. Миткевичъ.

3. 999 РОГОНССЦЕВЪ—фарсъ въ 3-хъ д. 24-го октября бенефисъ С. Θ. Сабурова—„Амалія и т. д.“.

ВСѢ НОВѢЙШІЕ МОДНЫЕ ДУХИ

ФРАНЦУЗСКІЕ, АНГЛІЙСКІЕ, АМЕРИКАНСКІЕ, НѢМЕЦКІЕ И РУССКІЕ.

ОДЕКОЛОНЫ, ТУАЛЕТНЫЯ ВОДЫ, ГРИММЪ ДЛЯ ТЕАТРА
ПУДРА, КРЕМЫ И ВОДЫ INSTITUS de BEAUTÉ въ ПАРИЖѢ.

ТУАЛЕТНЫЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: ЩЕТКИ, ГРЕБНИ, ПУДРЕНИЦЫ И ПР.

ПРИ АПТЕКАРСКОМЪ МАГАЗИНѢ МОСКОВСК. АКЦІОНЕРН. ОБЩЕСТВА

К. ЭРМАНСЪ И К^О.

ТВЕРСКАЯ, УГОЛЬ ГАЗЕТНАГО ПЕРЕУЛКА, ДОМЪ ФАЛЬЦЪ-ФЕЙНА.

МУЗЫКА.

Драма въ 4 дѣйствіяхъ, Франка Ведекинда. Переводъ Э. Бескина. Къ представленію дозволена 10 мая 1908 г. за № 4720. Съ требованіями обращаться: Москва, Тверская, д. Бахрушина, кв. 17. Э. М. Бескину.

РЕПЕРТУАРНЫЯ НОВИНКИ:

Г. ЗАПОЛЬСКАЯ. „Ихъ четверо“. Трагедія глупыхъ людей въ 4 дѣйствіяхъ съ прологомъ и эпилогомъ. Переводъ А. Ф. Манасевича. Цѣна 2 р.

Э. ЛЮБОВСКИЙ. „Устроительница счастья“. Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Переводъ съ польскаго А. Ф. Манасевича. Цѣна 2 р.

Вл. ПЕРЖИНСКИЙ. „Дочь улицы“ („Ашантка“). Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Переводъ съ польскаго А. Ф. Манасевича. Цѣна 2 руб.

Р. ЗАУДЕКЪ. „Драмы дѣтской души“. Трилогия. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ф. Манасевича. Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія при журналѣ „РАМПА“.

Новая пьеса Г. Гауптмана.

„СЕСТРЫ ИЗЪ БИШОФСБЕРГА“

ком. въ 5 дѣйствіяхъ.

Переводъ Э. Бескина. Къ представленію безусловно дозволена („Прав. Вѣстн.“, № 188, 1907 г.).

Цѣна 50 коп.

Включека въ репертуаръ Малаго театра на 1908—09 г.

Складъ изданія: Москва, Георгіевскій пер., театральная библіотека С. Θ. Разсохина.

„Синяя Мышь“.

Комедія-фарсъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ Энгеля и Хорста. Пер. Э. Маттерна.

Цѣна 1 р. 50 к.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Рампа“.

СЕНСАЦІОННАЯ НОВИНКА ПАРИЖСКИХЪ ТЕАТРОВЪ

„Король Воробъ“

(КОНЕЦЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ ШЕРЛОКА ХОЛМСА).

Пьеса въ 5 д. и 6 карт. ПЬЕРА ДЕ-КУРСЕЛЬ, перев. Е. Я. Берлинта и Д. Д. Языкова. Безусл. разрѣш. къ представл. Реперт. московск. театровъ. Изд. библіотеки С. Ф. Разсохина (Москва, Георгіевскій пер.).

Цѣна 2 рубля.

рампа

№ 9.

На новой грани.—А. П. Ленский в последние годы творчества. *Як. Львова*.—Почему он устал? *Эм. Бескина*.—Кризис балета. *Ник. Вахевича*.—О правѣ собственности режиссера на постановку пьесы. *Н. Евреинова*.—Торжество Художественного театра.—Театру Чехова. *Lolo*.—Москва.—Театръ Корша. *Р.*—Опера Зимина. *Н. Бас*.—Историческій концертъ И. Р. М. О. *Н. Бас*.—Балетъ. *Н.*—Письма въ редакцію.—Петербургскія письма. *Шмеля*.—Кіевскія письма. *Э-на*.—Провинція.

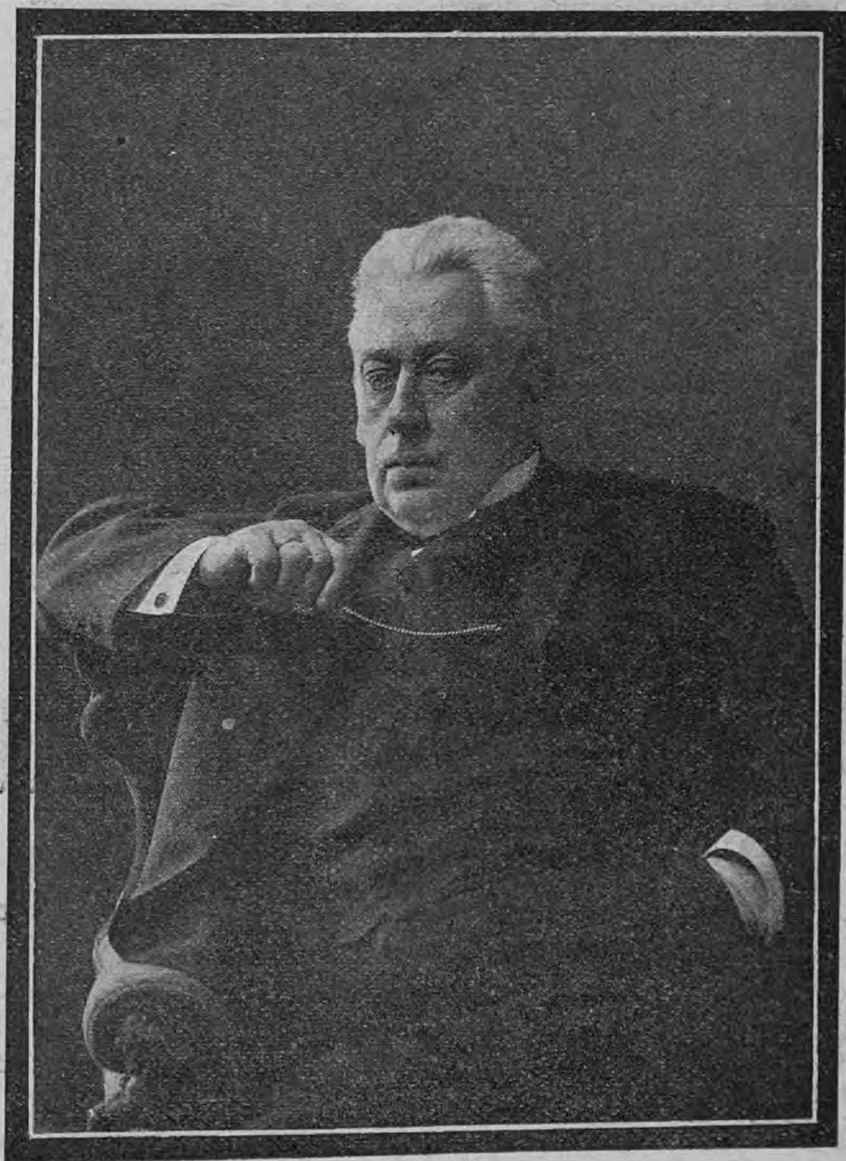
Рисунки и портреты: † А. П. Ленский.—А. П. Ленский въ молодости.—А. П. Ленский въ гробу.—М. Оленина д'Альгеймъ.—С. Н. Василенко.—Запорожецъ.—«Ихъ четверо»: Жена, Ребенокъ. «Синяя птица» на сценѣ Художественнаго театра: Лазоревое царство. Въ странѣ воспоминаній.

Шаржи и карикатуры: «Передъ испанкой благородной двое рыцарей—стоятъ» Баритонъ—Грызуновъ.

Москва.

Умеръ А. П. Ленский. Замыслена новая страница въ книгѣ русскаго театра. И предъ этой потерей невольно смолкаютъ всѣ текущіе интересы и злобы театральнаго дня. Смерть слишкомъ тяжелая... Слишкомъ неожиданная... Слишкомъ обидная... Еще какъ недавно съ этимъ именемъ связывались жизненные вопросы реформы Малаго театра. Какой горькой ироніей звучитъ сейчасъ соединеніе съ фамиліей покойнаго глаголъ: обновить, освѣжить. Самое дорогое въ Маломъ театрѣ—талантъ. И каждый разъ, когда кто-либо изъ представителей этого таланта либо уходитъ со сцены, либо кончаетъ жизненный путь, сердце больно сжимается. Изъ славной плеяды осталось ужъ не такъ много. Ряды порѣдѣли. И поэтому каждая убыль, замѣтная и сама по себѣ, заставляетъ еще задумываться и надъ общимъ положеніемъ когда-то образцовой сцены. Каждый театръ имѣетъ, —или, по крайней мѣрѣ, долженъ имѣть свою опредѣленную физіономію. Художественный театръ есть театръ режиссуры, Малый—театръ актера. И въ этомъ направленіи должно идти, главнымъ образомъ, и обновленіе его. Если это очередная задача вообще, она становится еще болѣе спѣшно-очередной съ уменьшеніемъ кадра ярко выраженныхъ артистическихъ индивидуальностей сцены Малаго театра. Покойный Ленский, насколько намъ извѣстно, не упускалъ изъ виду этой стороны дѣла, но усилія его часто разбивались о независимыя обстоятельства. Мы знаемъ случаи, когда въ труппу Малаго театра приглашались актеры и актрисы, противъ приглашенія которыхъ главный режиссеръ—Ленский открыто протестовалъ. И все-таки они приглашались. Пускался въ ходъ тотъ скрытый механизмъ «тетушкиныхъ хвостовъ», протекцій, наущничаній, сплетней, который сыгралъ, быть можетъ, не малую роль и въ судьбѣ покойнаго Ленскаго и привелъ Малую сцену къ тому положенію, въ которомъ она сейчасъ находится. Посмотрите тамъ любую пьесу и вы вынесете опредѣленное, вполне опредѣленное впечатлѣніе:—нѣтъ актеровъ. Есть ядро и ядро очень круп-

ныхъ артистическихъ силъ, но слишкомъ малое количественно, а вокругъ этого ядра что-то сѣрое, безнадежное, унылое. Не видѣть этого нельзя. Видѣть это, конечно, и администрація театра, снаряжающая ежегодно чуть-ли не экспедиціи для поисковъ актеровъ. Экспедиціи,—последній разъ въ лицѣ г. Кондратьева,—возвращаются, сообщаютъ, что въ

† А. П. Ленский.

(Последній портретъ).

провинціи есть актеры и актеры очень хорошіе. Дѣлается соотвѣтственный докладъ г. управляющему конторой и на этомъ пополненіе и обновленіе заканчивается. На-дняхъ въ газетахъ промелькнулъ слухъ, что новый завѣдующій труппой Малаго театра А. И. Южинъ намѣренъ обратить особенное вниманіе именно на артистическую наличность театра и съ этой цѣлью думаетъ предоставить постомъ дебютъ цѣлому ряду актеровъ и актрисъ. Не будемъ сейчасъ разбираться въ вопросѣ, насколько удачна

и достигаетъ цѣли самая форма дебютовъ,—объ этомъ поговоримъ отдѣльно,—но отправную точку необходимыхъ Малому театру реформъ А. И. Южинъ опредѣлилъ, видимо, вѣрно. И, быть можетъ, если тому опять не помѣшаютъ «независящія обстоятельства», мы съ вступленіемъ г. Южина будемъ свидѣтелями дѣйствительнаго обновленія Малаго театра.

А. П. Ленскій въ молодости.

А. П. Ленскій въ послѣдніе годы творчества.

На мою долю не выпало огромной радости видѣть такъ трагически угасшаго Александра Павловича Ленскаго въ его молодые годы.

Мнѣ только довелось слышать восторженные рассказы тѣхъ, кому судьбой было дано пріобщиться къ великому таинству творчества таланта—о томъ, какой это былъ Гамлетъ, Акоста, Бенедиктъ, Петруччіо, Глумовъ, Донъ Сезаръ-де-Базанъ.

На-дняхъ мнѣ показывали фотографическую карточку А. П. въ роли Гамлета, рѣдкую, чуть не единственную карточку, такъ какъ покойный очень не любилъ сниматься въ роляхъ.

И глядя на это плѣнительное, задумчивое лицо, на эти бездонные глаза, хранящіе неразгаданную тайну и манящіе куда-то въ невѣдомую, прекрасную даль, я понялъ обаяніе этого гиганта, понялъ то восторженное почти молитвенное отношеніе тѣхъ, кому посчастливилось быть свидѣтелями артистической юности А. П. Ленскаго.

И въ этотъ-же вечеръ другъ покойнаго, близко къ нему стоявшій, рассказывалъ мнѣ о тогда уже

больномъ артистѣ, и слезы печали мѣшались у него съ вдохновеннымъ восторгомъ.

Онъ рассказывалъ мнѣ, что нѣтъ и не будетъ такого Глумова на русской сценѣ; что въ передачѣ этой роли покойный достигалъ такого совершенства, что дальше уже—предѣльная грань искусства.

Онъ рассказывалъ, что никто не смѣялся на русской сценѣ такимъ плѣнительнымъ смѣхомъ, никто не искрился такимъ огненнымъ весельемъ, въ которомъ синева мессинскаго неба и золото южнаго солнца, какъ А. П.—въ роли Бенедикта.

Онъ рассказывалъ, что ни у кого не было такого благородства, такого «жеста» какъ у Ленскаго въ Донъ Сезаръ-де-Базанъ въ «Рюи Блазъ».

Онъ рассказывалъ о изумительномъ изяществѣ покойнаго, благородствѣ, ласковой, бархатной мягкости въ его молодые годы, о томъ, что это былъ настоящій *arbitrator elegantiarum* русскаго театра, кумиръ Москвы и московскихъ дамъ въ частности.

Но мнѣ только съ завистью приходилось слушать эти рассказы.

Я узналъ А. П., когда беспощадное время уже посеребрило его волосы, когда погасъ пламень въ глазахъ, въ которыхъ появилась вмѣсто него какая-то проникновенная мягкость, когда фигура уже утратила юношескую гибкость, и на сценѣ я уже видѣлъ А. П. въ роляхъ характерныхъ и комическихъ.

И сейчасъ, въ горькій часъ утраты, невольно переносишься въ «страну воспоминаній» и длинный рядъ образовъ необыкновенной, изумительной художественности встаютъ въ памяти.

Встаютъ изъ своихъ гробовъ эти мертвецы и не даютъ, и не дадутъ забыть о волшебникѣ русской сцены А. П. Ленскомъ.

И изъ этого ряда образовъ послѣдняго десятилѣтія особенно рѣзкими очертаніями выступаютъ двѣ фигуры—Фамусовъ и епископъ Николасъ въ ибсеновской «Борьбѣ за престолъ».

Одна комическая, другая одна изъ самыхъ трагическихъ, которая создавала всемірная литература, но обѣ равноцѣнныя по впечатлѣнію, по мягкости, по силѣ, по проникновенію, по стилю.

Много хорошихъ Фамусовыхъ знала русская сцена—одни брали яркостью комизма, другіе необыкновенной характерностью, но никто не былъ въ этой роли такимъ бариномъ, ни въ комъ не было столько грибоѣдовской Москвы въ каждой интонаціи, въ каждомъ движеніи во всемъ, до пряжки на туфлѣ.

И все это достигалось только внутренней силой таланта, безъ всякихъ внѣшнихъ ухищреній.

И достигался стиль, такой стиль, какого десять тысячъ археологовъ достичь не смогутъ.

Не даромъ Художественный театръ, этотъ самый чуткій русскій театръ, приглашалъ для перваго представленія «Горя отъ Ума» А. П., и только внѣшнія причины этому помѣшали.

Не менѣе въ своей плоскости грандіозна и фигура епископа Николаса.

Нельзя безъ ужаса вспомнить объ этомъ лицѣ съ оттопыренными ушами, о этихъ глазахъ, въ которыхъ за внѣшнимъ пепломъ—пламя, міръ способной поколебать злобы.

И правильно замѣтилъ одинъ изъ критиковъ, что если нуженъ былъ геній для созданія этой фигуры, то не меньшій талантъ нуженъ для ея воплощенія на сценѣ.

Сцена смерти Николаса—это безъ преувеличенія самое сильное, что дала за послѣднее время сокровищница русской сцены.

За этими титаническими образами идетъ рядъ

А. П. Ленскій въ гробу.

(Лицо закрыто по желанію покойнаго).

другихъ не такихъ грандіозныхъ по размаху, но всегда чарующихъ проникновеніемъ въ замыслы автора, мягкостью рисунка, красотой тоновъ.

Кто не помнитъ живописную фигуру Столцова въ «Новомъ Дѣлѣ», въ которой все: и феска, и трубка, и огромные усы—все было необыкновенно характерно, давало иллюстрацію цѣлой полосѣ русской жизни.

Вотъ незамѣтный герой Ананій Глаха, въ которомъ краски благословенной Грузіи, вотъ бюрократъ Свѣтинцевъ въ «Неводѣ», вотъ забавный оргіастъ изъ боборыкинскихъ «Упразднителей», прокуроръ изъ «Красной мантии» и десятки другихъ.

И все это до послѣдней роли въ «Безъ вины виноватыхъ» озарено обаяніемъ мягкаго свѣта, во всемъ этомъ столько вдохновеннаго, культурнаго труда!

И если изъ всѣхъ видовъ художественнаго творчества, творчество артиста въ самомъ неблагоприятномъ положеніи, если оно умираетъ съ нимъ, то про покойнаго можно смѣло сказать, что онъ еще долго будетъ жить въ его твореніяхъ.

И, поминая память покойнаго, нельзя не отдать дань его скромности.

Онъ никогда не ѣздилъ на гастроли, онъ никогда себя не рекламировалъ и его, европейскаго актера, знаетъ меньше провинціальная Россія, чѣмъ любую раздутую бездарность, у которой меньше дарованія, чѣмъ въ одномъ мизинцѣ Ленскаго.

Осыпаются осеннія листья, одинъ за другимъ сходятъ со сцены послѣдніе могикане.

Идетъ на смѣну юность, уже плѣнительная однимъ тѣмъ, что она юность.

И будемъ надѣяться, что эта юность будетъ той

побѣдительницей-юностью, тѣмъ откровеніемъ, котораго такъ боялся строитель Сольнесъ.

Но при побѣдахъ молодости никогда не будемъ забывать тѣхъ, кто былъ на вершинѣ башни и бесѣловалъ съ Всемогушимъ.

А. П. Ленскій былъ однимъ изъ первыхъ въ ихъ рядахъ.

Як. Львовъ.

Почему онъ усталъ?

Бываютъ моменты, когда мысль фиксируется на одномъ... Когда нельзя думать о другомъ... Когда мозговой аппаратъ просто не поворачивается въ другую сторону. Сейчас—это смерть Александра Павловича Ленскаго... Такая внезапная... Такая неожиданная... Такая обидная...

«Умеръ отъ перерожденія сердца». Такъ гласитъ протоколъ. И точка. Для физиолога въ такомъ случаѣ нѣтъ ничего особеннаго. Онъ анатомируетъ. Спокойно... Равнодушно... «Ибо таетъ, таетъ воскъ». Перестало биться сердце за номеромъ такимъ-то. Быть-можетъ въ этомъ безстрастіи естествонаблюдателя и величайшая мудрость. Быть можетъ... Но не всегда можно быть мудрымъ. Не всегда можно подчинить чувство голосу разсудка и у края могилы утѣшать себя тѣмъ, что въ сущности произошелъ

неизбѣжный фактъ, кончился процессъ горѣнія, переродились ткани. И все.

Я лично не могу черпнуть изъ кладезя сей премудрости и у свѣжаго могильнаго холма Ленскаго. Не вѣрится... Вѣрнѣй, не хочется вѣрить. Свершенъ кругъ. Но почему такъ? Почему?

Это досадный вопросъ.. Это назойливый вопросъ... Сверлящій вопросъ.

Съ А. П. Ленскимъ мнѣ послѣднее время пришлось сталкиваться сравнительно часто. Припоминаются невольно встрѣчи предъ началомъ текущаго сезона... Въ августѣ мѣсяцѣ... Еще съ прошлой весны и въ печати, и въ театральныхъ кругахъ много говорили о предстоящей реформѣ казенной Малой сцены. И во главу этихъ реформъ ставили покойнаго Александра Павловича Ленскаго.

Отъ коллегіальной режиссуры театръ перешелъ къ режиссурѣ, если можно такъ выразиться, индивидуальной. И Ленскій былъ назначенъ главнымъ режиссеромъ.

Скажу откровенно, это назначеніе не возбуждало особыхъ надеждъ. Крупная артистическая фигура, одинъ изъ немногихъ «стаи славной», Ленскій, казалось, весь, корнями въ старомъ... Въ изжитомъ... Никто такъ не сыграетъ Фамусова и цѣлаго ряда другихъ ролей. Никто не доставитъ вамъ такого удовольствія, какъ исполнитель. Но реформаторъ?.. Для этого, думалось, нуженъ человѣкъ новыхъ горизонтовъ. Молодой... Увлекающійся... И Ленскаго, какъ главнаго режиссера, брали, невольно, подъ сомнѣніе.

А Александръ Павловичъ молчалъ. Малоразговорчивый, малообщительный онъ какъ будто еще глубже ушелъ въ себя. Когда подтвердилось окончательно приглашеніе уже Ленскимъ въ качествѣ сотрудника по режиссурѣ Н. А. Попова, недоумѣніе присяжныхъ скептиковъ стало еще больше возрастать.

— Помилуйте, Ленскій и Поповъ... «Въ одну телѣгу впрячь не можно»... И т. д.

Словомъ, недовѣріе было велико. Не вѣрилось, наконецъ, даже просто въ возможность внести что-нибудь новое въ застывшую и, казалось, откристаллизовавшуюся атмосферу Малаго театра. Что кому... Пусть другіе театры ищутъ. Дай имъ Богъ найти. А Малый пусть такъ и останется академіей Островскаго.

И дѣйствительно, первый годъ индивидуальной режиссуры далъ какъ будто немного. Кой-что, правда, дѣлалось. Прошло «Много шуму изъ ничего» въ яркой, красочной постановкѣ Н. А. Попова. Но говорить о реформахъ, какъ таковыхъ, не приходилось.

Сбывались опасенія. И ходъ вещей рисовался естественнымъ. Иначе и быть не могло. И только теперь надъ могильнымъ холмомъ, надъ только что похороненнымъ трупомъ, встаетъ ужасный вопросъ: такъ-ли это? Вырисовываются детали. Всплываютъ обрывки воспоминаній. Разрозненные. Туманные. Отдѣльные слова... Разговоры.. И еще кошмарнѣе давить мозгъ тотъ-же вопросъ: такъ-ли это?

Мнѣ ярко вспоминается бесѣда съ покойнымъ мѣсяца за два до роковаго дня. А. П. только что вернулся съ лѣтняго отдыха и въ присутствіи нѣсколькихъ близкихъ къ театральному дѣлу лицъ развивалъ планъ предстоящаго сезона. Разговорился. Перешелъ на тему объ искусствѣ вообще. Объ актерѣ въ частности. И въ эти минуты я понялъ, какъ нельзя, какъ опасно судить по ярлыкамъ. Старый Ленскій говорилъ такъ, какъ дай Богъ говорить каждому изъ юношей. Онъ былъ въ курсѣ всего новаго въ области театра. Онъ сыпалъ именами модныхъ авторовъ. Мало того, нападалъ на ре-

пертуарную окаменѣлость Малаго театра и съ гордостью заявлялъ, что ближайшими постановками наступающаго сезона будутъ д'Анунціо и Гауптманъ.

Гдѣ-же традиціи?.. Косность?..

Но ужъ недѣли черезъ три послѣ открытія сезона стали циркулировать слухи: Ленскій уходитъ. Это было неожиданно. Газеты, по обыкновенію, сегодня сообщали, завтра опровергали. Но во всякомъ случаѣ что-то неладное за кулисами Малаго театра приходилось уже заподозрить. Нѣтъ дыма безъ огня. Обращаюсь къ лицу очень близкому къ Ленскому и слышу неопредѣленное:

— Да... трудно работать... тренія... препятствія.

И только одинъ Ленскій и тутъ благородно молчалъ. Уже даже послѣ ухода своего онъ въ одномъ изъ газетныхъ интервью продолжалъ настаивать, что ушелъ исключительно изъ-за растроеннаго здоровья. Оставалось удивляться «старому барину» сцены, сумѣвшему побороть въ себѣ личное для чести «вишневаго сада».

— Ухожу, потому что боленъ, усталъ.

Но вѣдь за какой-нибудь мѣсяцъ до этого усталости не было. Тридцать дней любимой работы не могутъ подорвать здоровья. И эту усталость невольно сопоставляешь съ доходившими время отъ времени слухами о нити той интриги, которую плели противъ Ленскаго-режиссера «въ сферахъ» театра. Ему съ одной стороны поручалось обновленіе театра, съ другой—ставился на видъ каждый шагъ въ этомъ направленіи, какъ нарушеніе традиціи «дома Щепкина». Кто-то куда-то даже ѣздилъ. Кто-то специально пріѣзжалъ въ Москву. Совѣщались. Шушукались.

И руки старика-Ленскаго опускались. Въ шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ нельзя сказать человѣку:

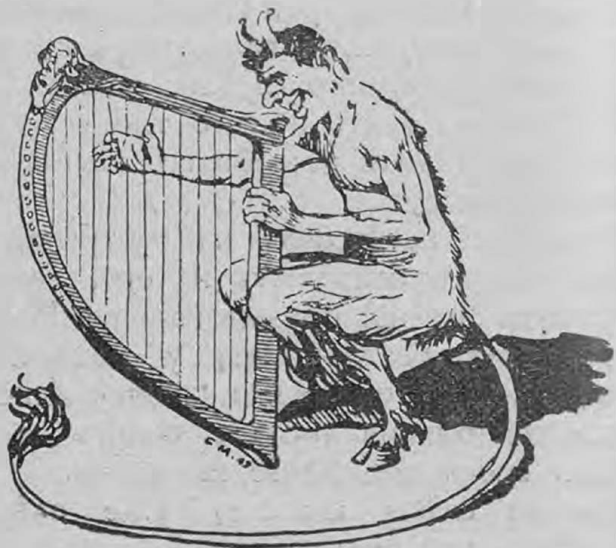
«Покинь свою печаль!—Вѣрь
новыя волненія
И встрѣчи новыя зажгутъ
въ груди опять
Желанія новыя»...

У Ленскаго ни новыхъ встрѣчъ, ни новыхъ желаній ужъ быть не могло. Все позади. А когда то святое, чему молился—разбито, когда алтарь сокрушенъ, что остается старому жрецу его, какъ не умереть тутъ-же.

И онъ-умеръ.

Нѣтъ Ленскаго. А не могъ-ли онъ быть еще съ нами? И отчего онъ, полный жизни и надеждъ въ августѣ, усталъ до болѣзни въ сентябрѣ? Эти вопросы мучаютъ. Эти вопросы жгутъ. И нельзя отъ нихъ отдѣлаться.

Эм. Бескинъ.

Кризисъ балета.

Какими неслышными шагами подошелъ этотъ кризисъ...

Какъ-то вдругъ всѣ эти прелестные *point's*, *tour de force's*, какъ самостоятельныя художественныя цѣнности, потеряли для насъ очарованіе. Чуть не вчера традиціонные типы «Коньковъ-Горбунковъ», «Корсаровъ» и пр. были вполне терпимы для насъ, но теперь они вдругъ показались намъ полинявшими куклами.

Произошло это потому, что художественная эволюція охватила все и—балетъ. Какъ много говорятъ теперь о желательной простотѣ балета, предполагая, что главное несчастье въ нежизненности балета въ его условности.

Но такіе взгляды въ достаточной мѣрѣ близоруки.

Балетъ не можетъ быть не условнымъ, какъ не могутъ быть не условными стихи, сравнительно съ прозой.

Движенія человѣческаго тѣла въ жизни совершенно иныя, чѣмъ въ танцѣ. гдѣ они подчинены ритму и мелодіи. Не можетъ быть также желательной реформой и превращеніе балета въ мелодраму, т. е. душой балета должны быть танцы.

Въ практикѣ нашей воистину казенной сцены балеты просто-на-просто склеиваются изъ двухъ этихъ элементовъ: изъ танцевъ и мимики.

Самое фальшивое въ балетѣ—это механическая склейка...

Подогнать житейскія бытовья сцены къ танцамъ такъ, чтобы необходимость танцевъ въ данный моментъ вытекала изъ логической необходимости, изъ дѣйствія—почти невозможно. Рѣдки такія счастливыя для балета положенія, когда по либретто нужны танцы.

Логическаго оправданія для танцевъ въ балетѣ нѣтъ—и вотъ уже столѣтіе, какъ его никто и не хочетъ искать.

Отсутствіе элементарнаго здраваго смысла получило право гражданства, вросло въ нашъ балетъ.

Балетные эстеты легко помирились на томъ, что балетъ можетъ склеиваться изъ ряда отдѣльных номеровъ подъ какимъ угодно произвольнымъ заглавіемъ: «Дочь Фараона» или «Спящая красавица», или «Корсаръ»—все равно.

И только теперь это кажется недодуманностью, абсурдомъ.

То, что балетное искусство досталось намъ изъ Франціи, а не было продуктомъ національнаго творчества, это тоже одна изъ причинъ его упадка въ нашъ вѣкъ строгихъ переоцѣнокъ. Балетъ превратился у насъ въ искусство одной почти техники. Такимъ онъ пересаженъ былъ изъ Франціи къ намъ.

Салоны Людовика XIV, съ вычурной тепличной жизнью, съ кодексомъ галантности, въ которомъ чуть не государственной важности были статьи объ искусствѣ ходить, кланяться, танцовать, носить парикъ и узаконенное количество мушекъ и такой-то слой пудры, въ своей сантиментально-слащавой атмосферѣ произростили всѣ условности нашего балета.

Вся эта напудренная жизнь въ фижмахъ съ тайнами *Vamp* осталась и умерла во Франціи; къ намъ-же перешли однѣ непонятныя, диковинныя формы балета.

То, что во Франціи было изъ жизни, то у насъ сначала было просто модой, а потомъ стало традиціей.

М. Оленина д'Альгеймъ.

(Къ концерту въ Москвѣ).

Какимъ-же былъ балетъ во Франціи въ эпоху своего расцвѣта?

Лучшимъ временемъ балета было время знаменитаго балетмейстера XVIII в. Новера. Онъ оставилъ намъ свои заповѣди. Вотъ онѣ.

«Танцы и мимика—только средства, которыми артистъ долженъ выражать дѣйствіе. Всѣ-же вычурные танцы, въ которыхъ нѣтъ внутренняго смысла, связывающаго ихъ съ ходомъ дѣйствія—неумѣстны и смѣшны».

«Только тотъ балетъ будетъ истиннымъ искусствомъ, въ которомъ танцы—средство для выраженія страсти и поэзіи».

Благодаря этимъ принципамъ балетъ достигъ тогда огромной высоты.

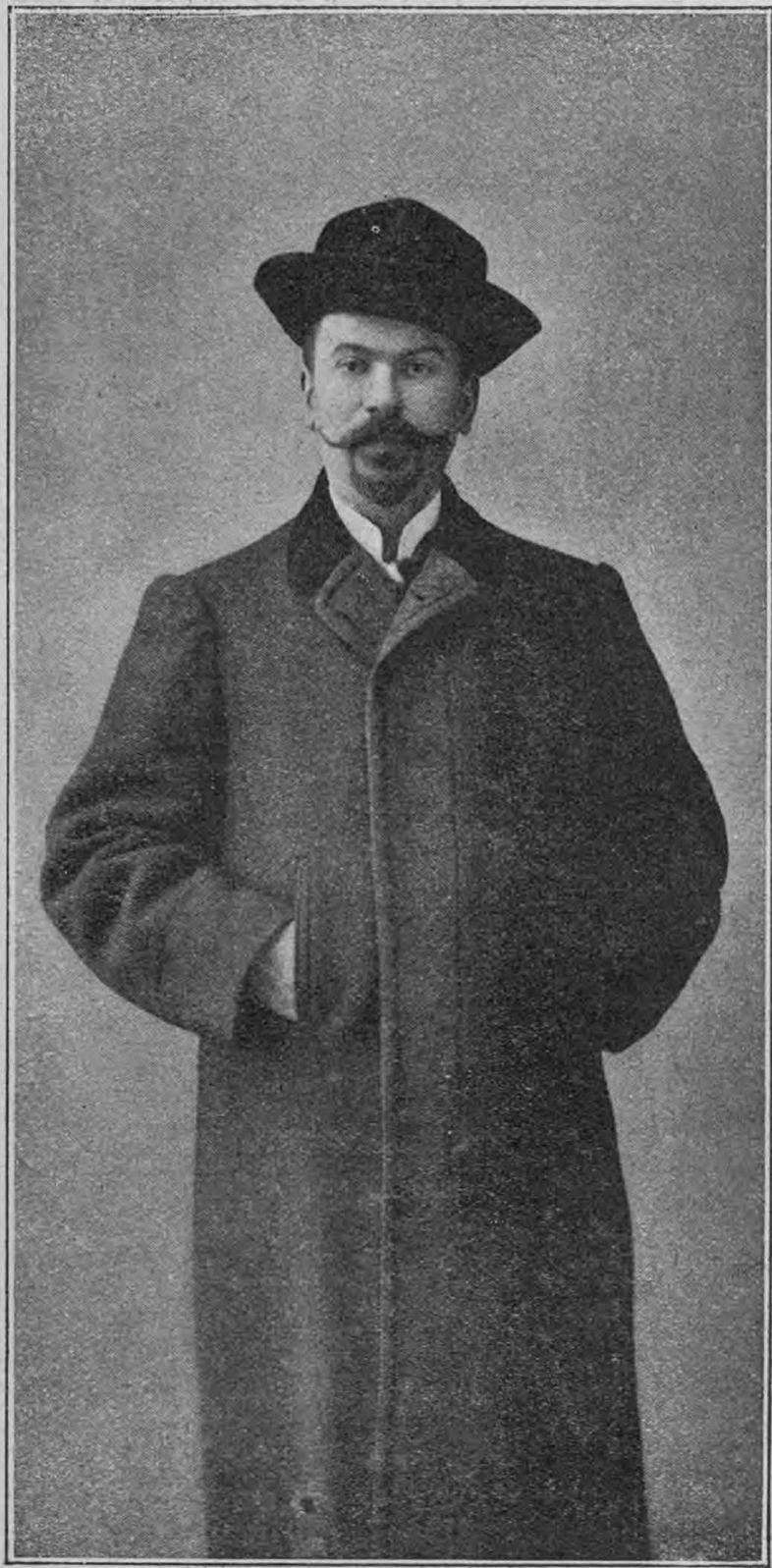
«Танцами надо выражать все въ балетѣ»—вотъ истина, которая была до сихъ поръ такъ глубоко забыта у насъ.

Въ дебряхъ изысканности техники заблудилось столько талантовъ!

Съ какой наивной гордостью говорятъ меломаны о «прогрессѣ» балетнаго искусства. «Знаменитая Камарго, изобрѣтательница антраша въ XVIII в., могла сдѣлать его четыре раза, заноса ногу за ногу,—нашимъ современнымъ балеринамъ ничего не стоитъ сдѣлать это разъ 30—50 подъ рядъ»!

Вѣдь это-ли не «прогрессъ»!

Сколько граціозныхъ прыжковъ «прогресса»!.. Прозабавъ на техникѣ далѣе балетъ не можетъ.

С. Н. Василенко.

(Къ открытію Историческихъ концертовъ).

Глядя далеко въ будущее, нельзя не сказать, что техника нашего балета врядъ-ли способна будетъ отвѣтить новымъ требованіямъ. Врядъ-ли этими *point'ами*, *tour de force'ами* и прочими измышленіями можно изображать что-либо, кромѣ элементарнѣйшихъ чувствъ, вродѣ слащавой радости.

Но вѣдь искусству танца доступны въ совершенствѣ всѣ чувства, всѣ настроенія, всѣ полутоны ихъ.

Мы видимъ это въ національныхъ пляскахъ всѣхъ народовъ и видѣли это въ пляскахъ А. Дунканъ.

Почему-же наши балетные танцы съ ихъ утонченной техникой не способны быть красками для изображенія современныхъ настроеній?

Они лишены индивидуальности, — а въ этомъ главное.

Чѣмъ могутъ разниться пируэты одного исполнителя отъ пируэтовъ другого? — Числомъ, «чистотой» и силой, кажется только.

Но могутъ-ли они быть, на примѣръ, задумчивыми, грустными, веселыми, во всѣхъ степеняхъ этихъ чувствъ?

Когда рождалась эта техника во Франціи, балетному искусству отводилось очень узкое худо-

жественное поприще и дальше пасторали сюжеты балетовъ не шли, а потому техническихъ средствъ было совершенно достаточно.

Мечтать о реформѣ нашего балета съ его убогой техникой, съ безсодержательностью, — мечтать о такой реформѣ можно только въ далекомъ будущемъ.

Врядъ-ли поколѣніе, воспитавшееся на старыхъ хореографическихъ формахъ, можетъ сразу порвать съ ними, ради новыхъ формъ. Какъ мы уже высказывались, пока необходимъ палліативъ.

Пусть будутъ два балета: старый и новый, — параллельно.

Пусть въ этомъ новомъ балетѣ будетъ данъ полный просторъ исканіямъ новыхъ хореографическихъ формъ.

Несомнѣнно, отсюда произойдетъ новая форма — «мимопляска». Если даже первые шаги будутъ увлеченіемъ прекраснымъ, новымъ, — что дала намъ А. Дунканъ, — это вѣрный путь къ индивидуализму въ балетѣ. Пройдя эту переходную ступень, получившись гайнамъ у древнихъ, новый балетъ, разумѣется не остановится на пережиткахъ, а сумѣетъ создать современную технику, не стѣсняющую, а помогающую выяснить современные проблемы духа въ той-же мѣрѣ, какъ это дѣлаютъ другія искусства.

Говоря словами А. Дунканъ, мы можемъ сказать: «Танецъ долженъ быть такимъ чистымъ и могучимъ, чтобы зрители сказали себѣ: — «мы видимъ передъ собой движенія души, — души, достигшей свѣта».

Все: техника, содержаніе и костюмы въ новомъ балетѣ будутъ другіе.

Только такой балетъ будетъ жизненнымъ.

На спектакли «старого» балета мы будемъ приходить, какъ на почтенную могилу прошлой эпохи и, смогря на трико, тарлатанъ и перетянутыя талии, будемъ воображать, какъ въ этихъ креслахъ сидѣлъ «непостоянный обожатель очаровательныхъ актрисъ», разочарованный Онѣгинъ, и будемъ вспоминать старомодную свѣтскую жизнь нашихъ дѣдовъ.

Ник. Вашкевичъ.

О правѣ собственности режиссера на постановку пьесы.

Только въ глухой провинціи, гдѣ пьесы ставятъ *à livre ouvert*, гдѣ режиссеръ недалеко шагнулъ отъ средневѣковаго *conducteur à du jeux* или простодушнаго трекурсора, тамъ только и могутъ отрицать право собственности режиссера на постановку. Но механически-несложная деколькоманія съ книги на сцену и не претендуетъ на званіе «художественной постановки», каковая, несомнѣнно, есть актъ вдохновеннаго творчества, имѣющій базой проникновенное изученіе текста, кропотливую работу по конкретизаціи образовъ внутренняго видѣнія, отвѣчающей замыслу автора пьесы, и, наконецъ, я бы сказалъ, — «ремарочную сокомпозицію». Вѣдь сколько-бы ни было ремарокъ въ пьесѣ, режиссеръ-художникъ не можетъ въ силу необходимости указанной конкретизаціи, не присочинить ихъ, по крайней мѣрѣ, столько-же. Возьмите въ руки режиссерскій экземпляръ пьесы за 5 минутъ до первой репетиціи, и вы не увидите текста подѣ

густою вуалью режиссерских добавокъ, а нѣкоторые, какъ я, напр., не довольствуясь сказаннымъ, еще должны, хотя-бъ вчернѣ и «для себя» приготовить цѣлый докладъ о постановкѣ съ обстоятельнымъ ея описаніемъ. Сузимъ вопросъ! — Если признается за драматургомъ право собственности не только на текстъ, но и на ремарку, справедливо ли не признавать такого-же права за режиссеромъ, какъ за непремѣннымъ соавторомъ ремарокъ?..

Я знаю, это звучитъ парадоксомъ,—но право, мнѣ кажется, что нѣтъ такой плохой пьесы, изъ которой хорошій режиссеръ не сдѣлалъ-бы художественно-интереснаго спектакля, какъ и наоборотъ,—нѣтъ такой хорошей пьесы, изъ которой плохой режиссеръ не сдѣлалъ-бы нѣчто художественно-неудовлетворительное. Судите, послѣ этого, какой наивный привкусъ имѣетъ для меня вопросъ о правѣ собственности режиссера на постановку. Это все равно, какъ если-бы меня спросили: «признавать-ли авторское право живописца-художника на картину, написанную имъ на заданную другимъ тему, чужими красками и на чужомъ полотнѣ?»

Боюсь обобщать, но думается мнѣ, что для доброй половины нашей режиссерской братіи этотъ вопросъ представляется не вполне ясно освѣщеннымъ. Думается такъ вотъ почему: не далѣе, какъ въ прошломъ сезонѣ нѣкоторые изъ режиссеровъ обратились ко мнѣ съ просьбой разрѣшить имъ для провинціи постановку спектаклей «Стариннаго Театра» въ копіи съ нашей. Однако объ «авторскомъ гоногарѣ» за такое использование чужого труда никто изъ нихъ и не вспомнилъ. По моему, это чрезвычайно характерно для интересующаго насъ отношенія гг. режиссеровъ къ праву ихъ собственности: съ одной стороны они какъ будто и признаютъ таковое (просьба о разрѣшеніи копіи), а съ другой стороны не приравниваютъ его еще къ авторскому праву любого захудалаго драматурга.

Н. Евреиновъ.

Торжество Художественнаго театра.

Зрительный залъ Художественнаго театра 14-го октября наполнился толпой его друзей.

Счастливые юбиляры—труппа—тѣсной группой расположились въ передней части лѣвой стороны *parterre*'а.

Со стѣны изъ рамки, украшенной цвѣтами и лаврами, задумчиво смотрѣлъ на все происходящее грустный образъ добраго генія театра-юбиляра—А. П. Чехова.

Голова К. С. Станиславскаго мелькала впереди артистической семьи. Здѣсь-же В. И. Немировичъ-Данченко. Оба лидера юбиляра-коллектива отвѣчаютъ во все время торжества благодарными рукопожатіями безчисленнымъ депутаціямъ.

Дѣйствительно, депутаціи дефилируютъ безконечной вереницей.

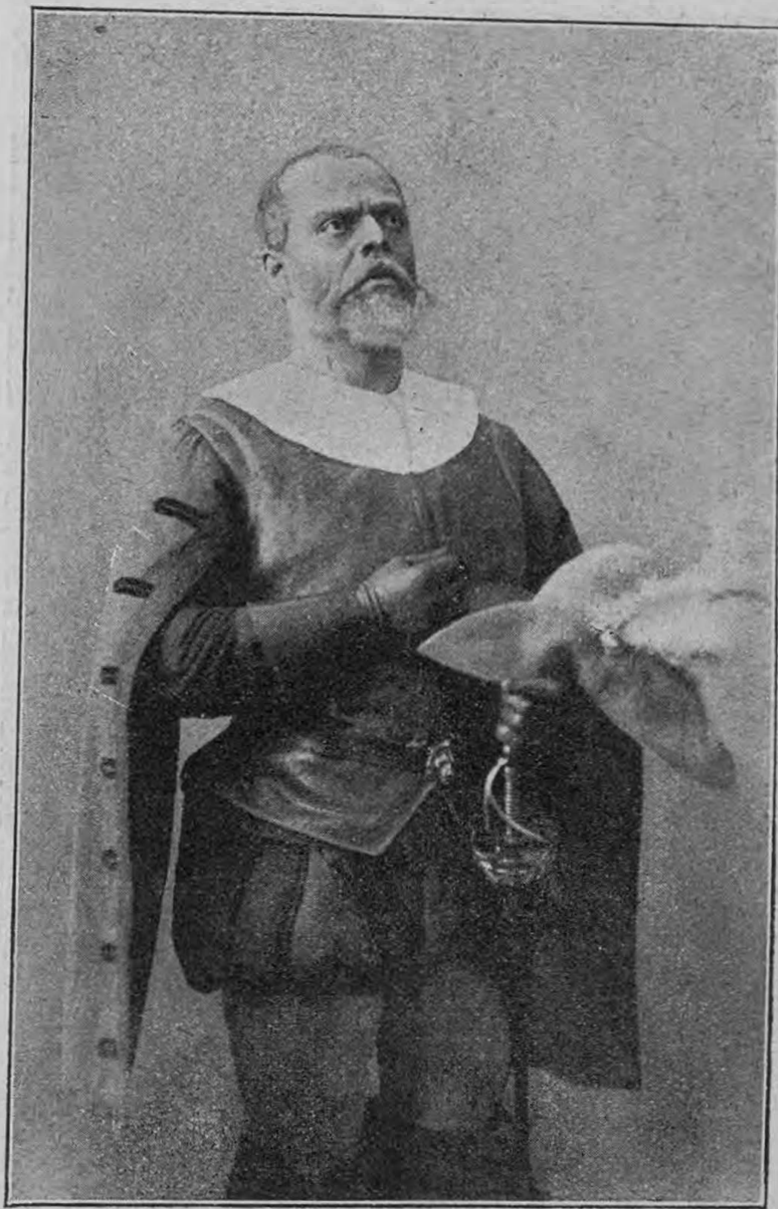
Вся культурная Россія прислала сюда своихъ представителей.

Телеграммъ—груды. Нѣсколько сотъ.

Русскій театръ привѣтствуютъ не одни русскіе.

Прислалъ делегатку и адресъ болгарскій театръ.

Опера С. И. Зюмина.

Г. Запорожецъ.

(Опера «Гугеноты»).

Восторженная буря аплодисментовъ.

Сѣдой грузинъ-актеръ передаетъ восторгъ поплававшего его роднаго театра сѣверному гиганту и затаенную мечту—увидѣть его на Кавказѣ.

Телеграммы изъ-заграницы. Даже телеграммы на такихъ языкахъ, которыя представители распорядительной комиссіи отказываются читать «за неумѣніемъ».

Привѣтствія въ стихахъ, въ прозѣ. Привѣтствія говорятъ и .. поютъ.

Труппа Большаго театра прислала для исполненія кантаты Гречанинова капеллу изъ своихъ лучшихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Сука. Среди нихъ—Ф. И. Шаляпинъ.

Колоссальный успѣхъ имѣло «письмо» композитора Рахманинова, присланное имъ изъ Дрездена, которое «пропѣлъ» г. Шаляпинъ.

Письмо гласитъ:

«Дорогой К. С. Станиславскій, поздравляю васъ отъ чистой души, отъ всего сердца...

...Я очень сожалею, что не могу вмѣстѣ со всѣми васъ чествовать, вамъ хлопать, кричать на всѣ лады—многая лѣта»...

Мощный басъ артиста внушительно провозгласилъ многолѣтіе.

Письмо-романсъ завершается музыкальной подписью:

«Вашъ Сергѣй Рахманиновъ...

Дрезденъ... 14 октября... 1908 года».

И этотъ автографъ былъ исполненъ художественно г. Шаляпинымъ.

Экстраординарное письмо заканчивается шутили-во-серьезнымъ музыкальнымъ *post-scriptum*'омъ:

Жена моя мнѣ вторитъ.

„Ихъ четверо“ у Корша.

Ж е н а.

(Г-жа Карелина-Раичъ).

Артиста заставили вторично «пропѣть» письмо. Депутации прибыли, по выраженію одной изъ нихъ, «изъ всѣхъ самыхъ захолустныхъ, медвѣжьихъ уголковъ провинціи».

Тепло прозвучало привѣтствіе «представителей конторы и прилавка».

Имѣли успѣхъ депутации студенческой молодежи.

Изящную картину представляла депутация одного частнаго кружка изъ трехъ дѣвушекъ, одѣтыхъ а-ля Дунканъ, съ лиліями въ рукахъ. Ими была поднесена картина Середина, изображающая кабинетъ Чехова.

Среди гула привѣтствій—одинъ лейтъ-мотивъ.

Театръ-юбиляръ долженъ создать народную аудиторію. Его руководители при общественной помощи пусть создадутъ демократическій образцовый театръ для широкихъ массъ.

Эта просьба проходила черезъ всѣ привѣтственные рѣчи и адреса красной нитью.

Эта просьба звучала въ продолженіе всего праздника.

Изъ груды телеграммъ отмѣчаемъ слѣдующія:

«Горячо привѣтствуемъ десятилѣтнюю дѣятельность Художественнаго театра, какъ крупное явленіе въ общественной жизни Россіи. Пав. Доморукъ, Комиссаровъ, Набоковъ, Кишкинъ, Милоковъ, Родичевъ».

«Да сіяетъ десятилѣтняя слава вашего театра путеводной звѣздой для всѣхъ сценическихъ дѣятелей; всѣмъ сердцемъ участвую въ вашемъ торже-

ствѣ и шлю привѣтъ дорогимъ товарищамъ. Гликерія Оедотова».

«Привѣтствуемъ единственный Художественный театръ не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Гиппиусъ, Мережковский, Философовъ».

«Наше горе мѣшаетъ раздѣлить вашъ праздникъ. Дорогие товарищи! Примите искренній горячій привѣтъ и самыя лучшія пожеланія. Ермолова».

«Поздравляю, всего добраго Максимъ Горькій».

Въ 1 часъ дня въ церкви Космы и Даміана была отслужена панихида по А. П. Чехову.

Отъ нашего журнала Художественному театру въ день его юбилея былъ поднесенъ въ особой папкѣ № 8-й журнала, посвященный этому юбилею. Передалъ его В. Е. Ермиловъ.

Т. Ардовъ произнесъ слѣдующее привѣтствіе:

«Горячій поклонъ Художественному театру отъ скромнаго театральнаго журнала «Рампа» въ этотъ день итоговъ».

Когда искусство становится мудрымъ, оно на много ступеней приближаетъ человѣка къ его будущему сверхчеловѣчеству, къ тому времени, когда люди станутъ какъ боги.

Вашъ театръ расширялъ наше познаніе человѣческой души,—а это вѣрный и единственный путь къ совлеченію ветхаго человѣка.

Художникамъ, совершающимъ эту работу съ великой простотой и скромностью—нечего бояться: тѣни великихъ геніевъ будутъ сопровождать ихъ въ ихъ исканіяхъ и имъ не будутъ страшны и самыя бездны.

Труденъ былъ путь отъ бѣдной «Чайки» нашей жизни до порога лазурнаго царства, гдѣ обитаетъ «Синяя птица»,—крылатый образъ, символизирующій Правду, Красоту и Знаніе, но вы совершили его.

Идите же дальше, вступайте въ это царство и вы—найдете ее, Синюю птицу искусства; а когда найдете—дайте ее намъ, потому что она намъ очень нужна, что-бы мы были счастливы!

Театру Чехова.

(Привѣтствіе Художественному театру, прочитанное на чествованіи).

Искусства смѣлые и доблестные братья,
Неутомимые искатели красотъ!
Москва раскрыла вамъ горячія объятія,
Восторженный привѣтъ Россія вамъ несетъ!..

Здѣсь муза Чехова паритъ незримой тѣнью
И свѣтитъ вамъ, горя нетлѣнною звѣздой...
Она не дастъ остыть святому вдохновенью,
Исканьямъ пламеннымъ, отвагѣ молодой...

Во дни сѣдыхъ невгодъ и тягостныхъ сомнѣній
Она, прекрасная, поможетъ вамъ найти
Источникъ новыхъ силъ и новые пути,—
Она, лучистая, зажжетъ огнемъ вашъ геній!

Вашъ вдохновенный трудъ безслѣдно не пройдетъ,—
Не обезкрылитъ васъ глухой вражды отравы...
Идите-же впередъ, искатели красотъ,
Идите, смѣлые,—грядетъ за вами Слава!..

Colo.

Москва.

Закончились опереточные спектакли труппы А. А. Левицкого. За последний месяц взято свыше 30 т. валового сбора, чему, главным образом, содействовал чемпионат борьбы.

На праздники Рождества, Масленицу и Пасху А. А. Левицкий перенял городской манеж. Здесь проектируется давать феерии, опереточные спектакли и т. д.

— Зимний сезон в театр «Аквариум» открылся пьесой Потапенко «Новая жизнь» и былинной Гончарова «Понизовая воляница».

— Антрепренер г. Незлобин, снявший на будущий сезон театр под драматические спектакли, как передает нам один из драматургов, уже теперь ведет переговоры о приобретении оригинальных пьес для постановки в будущем сезоне.

*
* * *

ТЕАТРЪ КОРША. В Богословском переулке за последние две недели сыграли новую пьесу Габриэли Запольской — «Их четверо» и возобновили пьесу кн. Брятинского «Карьера Наблоцкого», не так давно сыгравшую роль маскотты для этого театра.

И, несмотря на то, что обе пьесы совершенно в различных плоскостях и по вышности не имеют даже и отдаленного сходства, есть все-таки одна черта, которая роднит их и делает мещанскую польскую трагедию родственной по духу русской великосветской сатире.

Эта черта — пошлость.

И та и другая пьеса, — это пьесы торжествующей пошлости, несмотря на то, что авторы их преисполнены самых гражданских чувств и в простоте своей, кажется, глубоко убеждены в том, что они бичуют этого страшного врага человечества.

Но, увы, они сами плоть от плоти, кровь от крови своих героев.

Вот г-жа Запольская написала — «трагедию глупых людей», вложила в нее массу претензий при помощи какого-то странного и нелюбимого чудища Мандрагоры даже какой-то мистической дымкой обволокла и до символа всеобобщающей широты довести хотела.

Но в простоте своей не заметила, что во-первых трагедия глупости в том, что у нея нет и не может быть трагедии, что по жизни она скользит только слегка, ничего глубоко не воспринимая, что, во-вторых, даже глупые люди гораздо сложнее и человечнее, чем ее герои, что нельзя на марионетку ярлычек с надписью «патентованный пошляк и негодяй» и думать, что это живой человек с мясом, кровью и мозгами.

А затем не заметила г-жа Запольская и того, что муж в сущности вовсе не дурак и что вся трагедия сводится не к трагедии и пошлости, а к переживаниям маленькой страдающей, женской души и что только в этой дѣтской психологии и есть кое-какой интерес.

А у героев пошлости может быть тоже будет трагедия, там в темной дали будущего, но она уже за пределами пьесы и автора не интересует.

Его интересует только пошлость сама по себе и в «трагедии пошлых людей» в конце концов пошлый всех сам автор.

Впечатление пьесы оставляет самое нелюбое и неприятное. Я смотрел ее больше двух недель и до сих пор не могу избавиться от осадка.

Играют ее тоже уж слишком упоенно.

Г-жа Карелина-Раич и г. Горинь-Горяинов окончательно отнимают у героев г-жи Запольской человеческие черты и превращают их в героев московских бульваров.

Очень характерно передает роль хозяйки г-жа Аренцвари и трогательно играет дочь г-жа Бранецкая.

Не лурны г. Чарин и г-жа Веригина.

Неприятное впечатление оставляет сейчас и пьеса кн. Брятинского.

Когда-то она имела успех, но, увы, и пьесы имеют свою судьбу.

И при этом ужасно безконечны остроты автора — это уже до безчувствия.

А маленькая, пристегнутая мораль слава до тошноты. Сейчас пьеса кроме скуки никакого впечатления не оставляет.

Г-жа Карелина-Раич за эти годы слишком изломалась на нее в никогда ее коронной роли прямо смотреть больно.

Ни одного естественного жеста, ни одной искренней интонации.

Один сплошной излом, сплошная поза, сплошная фальшь.

Г. Горинь-Горяинов слишком мелок для Наблоцкого.

Наблоцкий — хищник и поллец, но крупного размаха и даже романтический в своей подлости.

А г. Горинь играет слишком мягко, слишком в полутонах в маленьком, крошечном масштабе.

А без Наблоцкого и почти совсем уж блекнет эта и без того не высокой марки сатира.

Р.

*
* * *

ОПЕРА ЗИМИНА. Я видел «Сказки Гофмана» года три тому назад в берлинской «Königliche Oper» со Шнилманом в заглавной роли и до сих пор во мне свежо то мягкое поэтическое очарование, которое несло со сцены в зрительный зал и властно покоряло — подумайте кого — произведений, дѣловитых берлинцев! В самом дѣлѣ, если специалист и профан могут разное оценивать абсолютное достоинство музыки (Оффенбаха, которая первому покажется пожалуй мѣстами поверхностной и в психологическом и в техническом отношении, то оба они безспорно признают изящную прелесть оперы во всей ее совокупности. Сюжет ее — выдающихся поэтических достоинств, прекрасно сделан для сцены и на редкость пригоден для музыкальной иллюстрации. Иллюстрация эта сделана мѣстами не бог знает как мудрено, но вездѣ она остроумна, чутка к сценической ситуации, выпукло и ярко ее живописует; — вѣдь Оффенбах был первоклассный знаток музыкальной сценичности. При том музыка «Сказок Гофмана» сплошь красива, конечно не строгой красотой мадонны Рафаэля, но пикантной, оживленной, смысленной красотой, d'un joli minois parisien. И нужно признать, что в звуковой палитре несравненного опереточного композитора нашлись краски для изображения и тихой печали, и нѣжного томленья, и теплой ласки любви, как имѣлись онѣ в его распоряжении для добродушного юмора, ѣдкой сатирической насмѣшки и бур-

„Их четверо“ у Корша.

Ребенокъ.

(Г-жа Борецкая).

наго приплясывающаго веселья. Для сценическаго воспроизведенія «Сказки Гофмана» сушій кладъ, но чтобы открыть этотъ кладъ, подарить его зрителямъ необходимо настоящее, брызжущее фантазіей и богатое творчествомъ, дарованіе режиссера, и утонченное поэтическое чутье.—Трудолюбивымъ придумываемымъ театральнымъ эффектамъ и эффектикамъ, добросовѣстнымъ потомъ, муштрой вмѣсто увлеченія артистовъ полетомъ своего вдохновенія,—тутъ ничего не подѣлаешь. Можетъ быть болѣе, чѣмъ въ какой другой оперѣ, въ «Сказкахъ Гофмана» театральность—въ томъ смыслѣ какъ это слово понимаетъ и употребляетъ Станиславскій, безобразить произведеніе, дѣлаетъ его плоскимъ, тупымъ, лишеннымъ всякаго аромата. Режиссерская сторона въ «Новомъ театрѣ» на этотъ разъ была болѣе чѣмъ слаба,—тонъ постановки не былъ найденъ даже приблизительно; дыханія странной, болѣзненной и капризной музы Гофмана совершенно не чувствовалась. Было скучно. Изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ сказокъ Гофмана былъ выбранъ наименѣе удачный. Переводъ плохъ.

Роль Гофмана необходимо подразумѣвающая обаяніе таланта, нашла себѣ невозможно плохого исполнителя въ лицѣ г. Южина. Въ сценическомъ отношеніи это былъ скорѣе всего провинціальный молодой человекъ съ дурного тона претензіей на интересность, впрочемъ не пьющій и не курящій,—но ужъ ни какъ не поэтъ—фантастъ, пьяница и сумасбродъ. Голосъ, кромѣ пожалуй нѣсколькихъ нотъ верхняго регистра, звучалъ очень некрасиво или и совсѣмъ не звучалъ, а тяжелая «везущая» манера пѣнія совершенно убивала легкую, непритязательную музыкальную фразу Оффенбаха. Гораздо лучше были г-жа Люце—исполнительница ролей Олимпіи—Джюльетты—Антоніи и г. Вѣковъ—Линдорфъ—Коппеліусъ—Дапертутто—Мираклъ, но не могу сказать, чтобы и они были на высотѣ задачи и вполне воплотили поэтические, сотканые изъ реального и загадочно-туманнаго образы рассказовъ Гофмана. Г-жѣ Люце лучше всего удалась Антонія: для Джюльетты ея голосъ малъ, Олимпія-же въ ея исполненіи уже слишкомъ механична,—вѣдь надо передать и ту дымку, которой окутываетъ куклу фантазія поэта. Вѣковъ изображалъ скорѣе нѣчто общемефистофельское; въ его Линдорфѣ, Коппеліусѣ не было гофмановской окраски. Недурно звучалъ голосъ г-жи Ершовой, мило спѣлъ г. Эрнстъ куплеты Франца, затягивалъ свои фразы г. Запорожецъ. Очень плохо велъ оперу г. Пазовскій, темпы были невѣрны, напр. баркаролла «Belle nuit, ô nuit d'amour», пѣснь любви: «C'est une chanson d'amour» въ послѣднемъ и т. д. Было много треску, грубостей, качаній и не было настроенія. Положительно это не только по молодости неумѣлый, но и не талантливый дирижеръ. Декорации—малярнаго производства, напоминающія работы г. Вальца въ лучшую пору его «художественной» дѣятельности въ Большомъ театрѣ.

Н. Бас.

* * *

ИСТОРИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ И. Р. М. О. Второй сезонъ историческихъ концертовъ И. Р. М. О. начался вечеромъ въ память Н. А. Римскаго-Корсакова. Программа его была очень умѣло составлена съ такимъ расчетомъ, чтобы всесторонне освѣтить передъ аудиторіей многогранную личность «великаго композитора земли Русской», чему способствовала и содержательная, но нѣсколько длинная (55 мин.) лекція Ю. Д. Ангеля. Концертомъ дирижировалъ С. Н. Василенко. О томъ, какой это хорошій дирижеръ, намъ уже приходилось писать въ «Рампѣ». Вполнѣ соответствовалъ ему и оркестръ, близкій по составу къ превосходному, можно сказать исключительному оркестру симфоническихъ собраній И. Р. М. О. Много, напр. оба отрывка изъ «Китежа»—первый съ его тихимъ вечернимъ настроеніемъ глухой чаши лѣса, шелестомъ листьевъ, шумомъ подала гремящаго ключа и пѣньемъ птицъ, и второй—стремительная отчаянно-энергичная «Битва при Керженцѣ»—вышли во всѣхъ отношеніяхъ превосходно. Не менѣе хорошо удалась и послѣдняя часть плѣнительной сказки сюиты «Шехеразады». Въ первыхъ же трехъ частяхъ ея хотѣлось-бы, въ соответствіи съ сюжетомъ, еще большей яркости, выпуклости и разнообразія переживаній и темповъ. Кстати о темпахъ.—нѣкоторые изъ нихъ, по нашему мнѣнію были затянуты. Правда, такимъ образомъ была достигнута сугубая отчетливость и ясность исполненія, даже, если хотите, «вразумительность». Но намъ очень понравилось болѣе медленное проведеніе темы султана Шахриара: получилось впечатлѣніе презрительнаго величія, а именно такимъ мы и рисуемъ себѣ всемогущаго восточнаго властелина, но никакъ не крикливо-взбаломошнымъ самодуромъ, въ стилѣ Островскаго, какъ это выходитъ у большинства дирижеровъ. При томъ-же въ партитурѣ стоитъ *Largo maestoso*. Неважно было сыграно г-номъ Шило скрипичное solo, какъ жаль, что въ Шехеразадѣ «шила въ мѣшкѣ не утаишь»! На томъ-же высокомъ уровнѣ стояло исполненіе «Свѣтлаго праздника»; въ *Allegro agitato* можетъ быть слишкомъ рѣзки были акцентировки. Перезвонъ особенно великолѣпно звучалъ утромъ

на репетиціи при резонансѣ пустого зала. Оба солиста: г-жа Копосова и г. Богдановичъ—музыкальные пѣвцы съ пріятными, но не сильными голосами. Кто ихъ слышалъ, получалъ удовольствіе, но, думаю, что не до всѣхъ въ громадной залѣ консерваторіи доносились ихъ голоса, особенно г-жи Копосовой, пѣвшей совершенно больной, о чемъ, конечно, необходимо было въ ея интересахъ анонсировать.

Очень чутко былъ обоими пѣвцами и дирижеромъ почувствованъ и выдержанно переданъ тонкій аромат восхитительнаго дуэта «Панъ».

Н. Бас.

* * *

БАЛЕТЪ. «Баядерка», возобновленная въ воскресенье, 12 1-го октября, обставлена была дебютантами.

Что касается г-жи Коралли (баядерки), врядъ-ли можно найти въ ея жестахъ и танцахъ что-либо восточное, напряженно-страстное. Можетъ быть, она просто не доработала баядерки, а можетъ быть она не въ ея средствахъ.

Намъ кажется послѣднее вѣрнѣй, такъ какъ глубокія переживанія она никогда хорошо не изображала даже въ болѣе легкихъ и короткихъ балетахъ.

Г. Козловъ 2-й по гриму, по манерамъ—отличный браминъ, пожалуй, лучший послѣ В. Э. Гельцера.

Одинъ его недостатокъ, если это недостатокъ вообще,—онъ молодъ и иногда это прорывается. Г. Мордкинъ (Союръ)—даетъ блестящій образъ благороднаго, отважнаго, страстнаго индуса. Его мимическая рѣчь выразительна.

Но самое блестящее въ этомъ спектаклѣ—пляска г-жи Оедоровой 2-й и г. Козлова 1-го. Такъ много первобытнаго и темпераментнаго, такъ много смѣлости въ ракурсахъ. Интересенъ гримъ г. Козлова 1-го.

Г-жа Адамовичъ безцвѣтна и, главное, однообразна въ невольничѣ.

Г-жа Балдина въ танцѣ «Ману» была-бы очень стильна, если-бы увѣреннѣй балансировала съ кувшиномъ на головѣ.

Надо удивляться, какъ г-жѣ Оедоровой 3-й поручается такая трудная мимическая роль, какъ дочь Раджи. Она очень слабая мимистка.

Г-жи Балашева, Грекова и Балдина хорошо исполнили классическія варіаціи послѣдняго акта.

Что касается постановки, то не хотимъ дѣлать упрековъ г-ну Горскому, такъ какъ не онъ виноватъ, что на него, балетмейстера, вваливаютъ и чисто режиссерское дѣло и что онъ не въ силахъ его выполнить.

Если-бы священный огонь 1-го акта былъ ближе къ рампѣ, онъ очень эффектно освѣщалъ-бы трепещущимъ свѣтомъ лица персонажей, при теперешней-же *mise en scene* ихъ совершенно не видно.

Затѣмъ, въ танцѣ съ кинжалами можно было-бы взять позы съ нѣкоторыхъ памятниковъ, гдѣ изображены пляшущія фигуры, держащія обѣими руками кинжалы надъ головой, лезвіемъ внизъ.

Наконецъ, почему въ «Среди тѣней» забыто объ Индіи, а на сценѣ просто самый обыкновенный балетъ?

М. М.

Письма въ редакцію.

I.

«Глубоко потрясенный печальной вѣстью о кончинѣ великаго артиста, гордости родной сцены, свѣтлаго Александра Павловича Ленскаго, прошу черезъ посредство вашего журнала передать семьѣ покойнаго и славному Малому театру мое почтительное соболѣзнованіе въ общемъ безутѣшномъ горѣ.

Антрепренеръ-режиссеръ Никулинъ».

II.

Въ саратовскихъ газетахъ было сообщеніе объ уходѣ изъ товарищества артистовъ Очкинскаго театра гг. Максимовой, Невѣдомова и др., причемъ причиной ухода авторъ сообщенія выставилъ недостаточный доходъ на марки.

Нижеподписавшіеся заявляютъ, что мотивы ухода изъ т-ва болѣе сложны и глубоки, чѣмъ недоборъ на марки. Представитель т-ва, г. Скуратовъ, извѣщенъ о причинахъ нашего ухода 7-го октября нотаріальнымъ письмомъ.

Артисты: Т. М. Максимова, Л. А. Алябьева, А. А. Борзова, Ив. Невѣжинъ, Дм. Ив. Кочетковъ, Яковъ Рославскій.

Петербургскія письма.

II.

Отзываясь въ прошломъ письмѣ не очень-то ласково объ открытіи театра Фальковского, я чувствовалъ себя въ положеніи довольно неловкомъ. Во главѣ предпріятія стоятъ два своихъ же брата-писателя; перспективы у нихъ несомнѣнно серьез-

человѣчнѣе и не такъ утомительно много фигурируетъ передъ зрителемъ.

Играютъ комедію у Фальковского удивительно хорошо. Роль «Жены» поручена молодой и еще сравнительно мало извѣстной артисткѣ Садовской, которая въ ней отличилась прямо на славу. Рѣшительно ни одного упрека не могла бы поставить ей игрѣ самая строгая критика. По характеру дарованія артистка, въ общемъ, много напоминаетъ вашу Карелину-Раичъ. Очень обдуманно ведетъ роль «швеи», дѣлающей свою бабью карьеру въ домѣ оставленнаго супруга (Діевскій), г-жа Юлшина. Безукоризненна въ роли многотерпѣливой «вдовы» г-жа Раевичъ, хорошъ г. Рудинъ въ роли «любовника»... Вообще, повторяю, насколько первый блинъ вышелъ комомъ, настолько же хорошо удался второй. Еще одна или двѣ такихъ постановки, и, надо

„Синяя птица“ на сценѣ Художественнаго театра.

Лазоревое царство.

ныя, литературно-художественныя; открывали сезонъ не кѣмъ-нибудь, а Евгеніемъ Чириковымъ... Но что же мнѣ было дѣлать? Лѣтопись — зеркало; отражаетъ не то, что хотѣлось бы, а лишь то, что выходитъ.

Тѣмъ пріятнѣй отмѣтить вторую ихъ постановку, искупившую сразу весь первый промахъ. Шла комедія отнынѣ знаменитой у насъ Габріели Запольской «Ихъ четверо», съ которой, вѣроятно, теперь познакомилась уже и Москва. Какой это свѣжій, чистый талантъ, изящный, здоровый юморъ, сильный и острый умъ!

Мистическое существо «Мандрагора», появляющееся въ началѣ и концѣ пьесы и очень напоминающее «Нѣкто въ сѣромъ» изъ «Жизни чело-вѣка», возбудило подозрѣніе въ позаимствованіи Запольской у Андреева. По наведеннымъ, однако, справкамъ оказывается, что «Ихъ четверо» написано два или три года тому назадъ, такъ что тутъ попросту несомнѣнно случайное совпаденіе. Мнѣ лично образъ «Мандрагоры» понравился больше андреевскаго, потому что онъ ближе къ намъ,

надѣяться, что Фальковскому съ Карповымъ удастся разбить ту стѣну предубѣжденія публики къ «Новому театру», которая выросла за послѣдніе годы, благодаря неудачамъ предшествовавшихъ антрепризъ.

Въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ,—какъ и вездѣ вѣроятно,—есть такіе «заколдованныя» театры, которые публика почему-то, роковымъ образомъ, вѣчно обходитъ, и чтобы ее туда заманить, требуется что-нибудь исключительное. Такимъ театромъ, между прочимъ, являлся много ужъ лѣтъ «театръ Неметти» на Петербургской сторонѣ. Въ прошломъ сезонѣ его дерзнулъ снять Н. Д. Красовъ и общее убѣжденіе было таково, что если онъ не прогорѣлъ, то только благодаря протопоповскимъ «Чернымъ воронамъ». Нынѣ за этотъ театръ взялся извѣстный провинціальный антрепренеръ М. Т. Строевъ, не вѣрующій, какъ говорятъ ни въ какіе предрасудки о «заклятыхъ мѣстахъ». Что онъ дѣйствительно въ это не вѣритъ, доказываетъ все его поведеніе. Въ труппѣ его—никакихъ извѣстныхъ Петербургу артистовъ, а началъ онъ не новинкой,—«Королемъ» Юшкевича, вѣруя, должно

„Синяя птица“ на сценѣ Художественнаго театра.

Въ странѣ воспоминаній.

быть, лишь въ то, что было бы хорошо поставлено дѣло, а публика не обидитъ. И, пока что, его расчеты повидимому оправдываются; пресса хвалитъ единодушно и публика ходитъ. Гроссманъ—Тарскій, Этель—Добровольская, Эрцъ—Лукинъ, Маня—Ясновская и особенно Яковъ Розеневъ—Выговскій и Юська—Хенкинъ (совершенно живыя лица) сразу завоевали всеобщія симпатіи. Поставлена пьеса самимъ Строевымъ съ большою любовью и знаніемъ дѣла.

Великія симпатіи и надежды опять возбуждаетъ вѣчно прекрасная В. О. Коммиссаржевская. Ея разрыву съ Мейерхольдомъ и возвращенію, хотя бы до извѣстной степени, къ старымъ тонамъ Петербургъ радуется, какъ вѣрный мужъ—возвращенію въ домъ жены, которую не могъ разлюбить, несмотря ни на что. Каждый реальный жестъ милой измѣнницы привѣтствуется одобрительнымъ гуломъ; малѣйшій непонятый штрихъ вызываетъ сейчасъ же реакцію острой, еще далеко не забытой ревности. Разлучника-Мейерхольда старательно топятъ на каждомъ шагу, безъ всякой пощады. Съ его стороны было величайшей неосторожностью дебютировать на Императорской сценѣ въ той же самой пьесѣ Гамсуна, которую привезла съ собой и Коммиссаржевская. И какъ нарочно она поставила эту пьесу на другой же день послѣ Александринки. Какъ и слѣдовало ожидать, тамъ получился

безнадежный провалъ,—здѣсь настолько же безусловный успѣхъ; ни одного добраго слова по адресу Мейерхольда, и дождь панегириковъ—Коммиссаржевской и Бравичу. Писать объ исполненіи этихъ послѣднихъ не стоитъ, потому что вы сами слишкомъ еще недавно имъ наслаждались, писать же объ исполненіи Мейерхольда просто—не хочется. Онъ ужъ и безъ того достаточно получилъ.

Все это, впрочемъ, меркнетъ передъ другою злобою театральнаго дня, которою волнуется Петербургъ вотъ уже третью недѣлю и это волненіе, съ теченіемъ времени, не только не уменьшается, но возрастаетъ день ото дня, какъ снѣжная лавина. Злоба эта—ярцевскій инцидентъ, перешедшій мало-по-малу въ принципиальный вопросъ объ отношеніяхъ между артистами и пресой, ихъ опекающей. Театральный мірокъ бурлитъ и вздувается, какъ опара въ горшкѣ на сильныхъ дрожжахъ. Во всякой случайной компаніи второе слово—ярцевскій инцидентъ, и потомъ заваривается яростный споръ на много часовъ Спорятъ на улицѣ, въ частныхъ домахъ за чайнымъ столомъ, въ уборныхъ артистовъ, ресторанахъ и клубахъ. На-дняхъ, въ пылу діалога, въ буфетѣ клуба, одинъ режиссеръ разбилъ стаканъ объ голову очень извѣстнаго литератора (не рецензента), осуждавшаго актерскую братію. Компанія, правда, была въ подпитіи и люди кругомъ все свои, но все-же ударившій должно

быть благодарить Бога за то, что попалъ на писателя въ добрую минуту...

Такъ или иначе, всѣмъ стало ясно, что споръ сценическихъ Монтекки и Капулетти неминуемо долженъ былъ перейти изъ стадіи частнаго и раздробленнаго въ стадію общественнаго и болѣе стройнаго обсуждения. Недѣлю назадъ въ роскошномъ помѣщеніи Театральнаго клуба, что на Литейной, собралось до 150 человѣкъ актеровъ. Бесѣда (очень бурная, сопровождавшаяся между прочимъ громкою стычкой между извѣстной актрисой и еще болѣе извѣстнымъ критикомъ, случайно ввязавшимся въ споры) окон-

на одномъ только собраніи и не далѣе какъ вчера, въ томъ же театральномъ клубѣ, ихъ собралось уже человѣкъ 200, если не больше. Пришли и мы, пишущіе. Хотя званы мы не были, но полагали, что отъ насъ, въ концѣ-концовъ, не запрутся. Не тутъ то было: заперлись на всѣ запоры, выставивъ предлогомъ, что это собраніе «строго организаціонное». Итакъ «мы» сидѣли въ буфетѣ, а «они» — въ концертномъ залѣ. Но, вѣдь, актеры народъ экспансивный и «запертыя двери», въ сущности, оказались фикціей, такъ какъ по-минутно выбѣгали «они» и «онѣ» «оттуда» «сюда» и въ перебой, на

„Передъ испанкой благородной двое рыцарей стоятъ“.

чилась резолюціей: послать телеграмму съ сочувствіемъ кievскимъ скандалистамъ. Главнымъ вдохновителемъ этой резолюціи, къ удивленію многихъ, оказался почтенный В. Н. Давыдовъ, которому, казалось бы, лично совсѣмъ ужъ не за что гнѣваться на рецензентовъ. Понятно, что на другой-же день всѣ подписавшіе телеграмму получили отъ кievской труппы восторженную благодарность.

Это собраніе имѣло огромное вліяніе на теченіе дальнѣйшихъ событій и настроеній не только въ актерской, но также и въ рецензентской средѣ. Вдругъ оказалось, что въ прессѣ, дотолѣ повидимому единой, существуетъ большой расколъ. Многіе пишущіе, своевременно защитивъ кievскаго коллегу, нашли въ себѣ достаточно мужества попробовать послѣ этого оборотиться и на свою собственную среду — и вотъ начались стычки пишущихъ съ пишущими. Нѣкоторые изъ нихъ чреватые даже судебными послѣдствіями...

Между тѣмъ и актерскій міръ не успокоился

разные лады, сообщали о томъ, что «тамъ» случилось...

Засѣданіе, подѣ председательствомъ того же В. Н. Давыдова, опять-таки было весьма бурнымъ и до-нельзя сумбурнымъ. Только на одно мгновение пролетѣлъ «тихий ангелъ» — скорбная вѣсть, только что переданная по телеграфу, о смерти великаго сотоварища А. П. Ленскаго. Почтили память безмолвнымъ вставаніемъ...

А потомъ шумѣли о своихъ болѣстяхъ до 4-хъ часовъ утра (собрались въ 12, послѣ спектаклей). И тутъ, какъ среди пишущихъ, оказался, въ концѣ-концовъ, крупный расколъ.

Но тема, въ общемъ своемъ обликѣ, такъ обширна и многосложна, а я ужъ и безъ того написалъ такъ много, что прошу позволенія отложить подробности до слѣдующаго номера.

14 октября.

Шмель.

Шаржъ.

Грызуновъ.

(Баритонъ оперы С. Зимина).

Кіевскія письма.

I.

Начала сезона я не засталъ, а потомъ послѣ двухъ-трехъ спектаклей вспыхнулъ этотъ несчастный инцидентъ, изъ-за котораго въ конецъ истрепали фразу: «двухъ мнѣній о немъ быть не можетъ». Впослѣдствіи оказалось, что можетъ быть не два, а двадцать два мнѣнія,—но дѣло не въ этомъ. Такъ или иначе, только теперь мнѣ приходится знакомиться съ «дѣломъ» г. Дуванъ-Торцова и, благодаря этому, только теперь, когда «инцидентъ» уже объявленъ «исчерпаннымъ», я начинаю постигать весь смыслъ его. Чѣмъ больше знакомлюсь съ «дѣломъ», тѣмъ очевиднѣй становится для меня, что «инцидентъ» совсѣмъ не исчерпанъ. Онъ ликвидированъ «формально», но «по существу» онъ, быть можетъ, и совсѣмъ не исчерпаемъ. Говоря о «формальной» сторонѣ и «по существу», слѣдую терминологіи гг. артистовъ, пытавшихся этими подъяческими тонкостями уложить въ гробъ своего врага. Они, бѣдненькіе, и не подозреваютъ, что «формальная» ихъ вина (въ которой они охотно сознаются) ничтожна—ну, что ужаснаго и неисправимаго въ скандалѣ?—а прегрѣшенія ихъ «по существу» (здѣсь они, чувствуя твердую почву подъ ногами, считают себя правыми), требуютъ долгихъ и упорныхъ, а главное—дѣйственныхъ покаяній. Это прегрѣшенія предъ искусствомъ, а отъ нихъ «письмомъ въ редакцію» не отмахнешься. «По существу»—такова печальная повѣсть

«Дѣло» (это безсмертное «дѣло» пустили въ оборотъ сами же актеры) собрало недурныя сценическія силы, а распорядиться ими не можетъ. «Дѣло» имѣетъ большія средства, а распорядиться ими не можетъ. «Дѣло» обладаетъ усовершенствованной техникой (вращающаяся сцена—чего же больше?) и съ этимъ распорядиться не можетъ, прибѣгаетъ къ просцениуму и даже рекламируетъ имъ себя. Святая простота! Въ труппѣ до пятидесяти актеровъ, изъ нихъ чуть-ли не половина на «первыхъ роляхъ», а для Донъ-Жуана въ «Много Шуму» не оказалось исполнителя, и роль пришлось отдать «молодому» и малосильному. И это совсѣмъ не по какимъ либо принципамъ, покровительствующимъ «молодымъ», а просто по нуждѣ.

Въ «дѣлѣ» нѣтъ гвоздя. Нѣтъ даже сумбурныхъ, упрямыхъ и туповатыхъ «поступковъ» прошлогодняго Марджанова, который какъ-никакъ все же шумѣлъ. У него сцена вертѣлась во время дѣйствія,—и чеховскія сестры, вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Москву, катались на каруселяхъ, благо дѣйствіе происходитъ на масляной недѣлѣ. Въ «дѣлѣ» нѣтъ гвоздя,—я хочу сказать, что нѣтъ «чего-либо» такого или «ко-

го-либо» такого, «что» дѣлало бы или «кто» дѣлалъ бы театръ г. Торцова интереснымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Нѣтъ артиста, который могъ бы сдѣлаться центромъ, для котораго ставили бы пьесы,—ну, въ родѣ того, какъ для Шувалова въ провинціи ставили «Эдипа», «Смерть Ивана Грознаго» или для Петипа—«Гувернера», для Горева—«Старога Барина», для Давыдова—«Свадьбу Кречинскаго», для Горѣлова—въ прошломъ году ставили въ Кіевѣ—«Орленка». Здѣсь дѣло не въ именахъ артистовъ и не въ качествахъ пьесъ—дѣло въ другомъ: спектакли эти обставлялись праздничные обычныхъ, публика ихъ ждала, артисты либо проваливались, либо пожинали лавры,—а въ общемъ создавалась атмосфера искусства съ его святымъ безпокойствомъ, а не та будничная канитель, которая тянется въ Соловцовскомъ театрѣ и которой конца не видно. Такое пожеланіе неизмѣримо болѣе скромно нежели то, которое настаиваетъ на «своемъ лицѣ», на «своей физиономіи». Лицо, физиономія—это индивидуальность, а какъ добьешься индивидуальности тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Конечно, индивидуальность не подразумеваетъ обязательно «новаго слова»—достаточно опредѣленнаго стиля, хотя бы стараго, хотя устарѣвшаго. Но и въ этихъ скромныхъ предѣлахъ лицо—все таки лицо, а гдѣ его взять, разъ нѣтъ его? И приходится довольствоваться малымъ.

Помню, давно въ небольшомъ провинціальномъ городѣ для одного актера «возобновили» «Гамлета»,—и шекспировскую трагедію (которой побаивается не только провинціальная публика) ставили три дня подрядъ при переполненномъ театрѣ. То «дѣло» было талантливое дѣло,—и въ этомъ вся суть. «Дѣло» г. Дуванъ-Торцова безкрылое, бѣдное фантазіей, безталанное, хотя въ труппѣ и много талантливыхъ артистовъ. Я совершенно не представляю себѣ, чтобы здѣсь, въ этой атмосферѣ, какой-нибудь артистъ могъ вдохновиться, увлечься пьесой, поставить ее для себя, превратить спектакль въ праздникъ, сдѣлаться героемъ хотя бы нѣсколькихъ вечеровъ, сдѣлаться предметомъ восторженнаго поклоненія однихъ, порицанія—другихъ, предметомъ споровъ и волненій... Что-то или кто-то наложило или наложить на «дѣло» толстыи слои инертности, унынія, распушенности и безразличія. Не видно порыва, не видно горѣнія, не видно мукъ. Изъ художественнаго дѣла вытанцовывается посредническая контора по ознакомленію публики съ пьесами. Это—приличное «дѣло», но не искусство.

Долго готовились къ шекспировской комедіи «Много шуму изъ пустяковъ». Упорно рекламировали спектакль. Дѣйствовали афишами и «летучками», которые къ тому же украсили такимъ перломъ:

«Въ постановкѣ пьесы примѣняется впервые въ Кіевѣ просцениумъ, дающій возможность представить всѣ 16 картинъ полностью, раздѣливъ ихъ только двумя антрактами.»

Новая обстановка! Новые костюмы! Новая декорация!»

Дѣло не въ томъ, что это—мало приличная реклама, дѣло и не въ томъ, что это—неумная реклама. Ужъ какъ ни мало былъ гениаленъ Марджановъ, все-таки онъ зазывалъ публику вращающейся сценой, а не просцениумомъ, зазывалъ новыми въ сценической technikѣ, а не отжившими, старымъ. Богъ съ ней, съ этой рекламой,—пусть не наше дѣло. Но вы посмотрите для кого и для чего «возобновляютъ» комедію Шекспира. Впрочемъ, для кого—это секретъ «дѣла», а для чего—это мы знаемъ: для просцениума... Примѣнили просцениумъ и что же? Маскарадъ въ шекспировской комедіи освѣтили электрическими лампочками, которые и зажгли какъ-то беззастѣнчиво—всѣ сразу, т. е. повернувъ кнопку... Не нужно совсѣмъ быть поклонникомъ Станиславскаго, чтобы признать такую расправу варварской. Или еще: стѣну раздѣлили по діагонали на свѣтъ и тѣнь—и въ теченіе всей пьесы свѣтъ и тѣнь мирно уживались все въ томъ же положеніи—п днемъ и ночью... А въ комедіи завладѣлъ ли кто-нибудь зрительной залой,—«кто-нибудь» или «что-нибудь»? Пусть бы завладѣлъ хоть просцениумъ, что-ли!.. Разыграли комедію очень прилично, было не скучно, электрическія лампочки игриво помигивали, но гвоздемъ и шекспировской комедіи не суждено стать. И то, что комедію совсѣмъ не дурно разыграли, еще болѣе досадно: могли вѣдь дать хорошій спектакль, выбросивъ этотъ злосчастный просцениумъ и соблюдая кое-какія буквы сценической азбуки. Вотъ такъ и большинство спектаклей: чуточку режиссерскаго вдохновенія, режиссерскаго порыва, чуточку меньше актерскаго унынія, безразличія—и было бы недурно. Но этихъ «чуточекъ» нѣтъ (а въ этомъ и вся суть!), онѣ какъ-будто даже и не мыслимы въ этой обстановкѣ,—настолько «дѣло» погрязло въ топкомъ спокойствіи

Теперь это оцѣпенѣлое спокойствіе попытались нарушить, попытались растормошить людей, напомнить имъ, что они захлебнутся скоро въ этомъ болотѣ,—и эти люди оскалили зубы. То, что они натворили теперь много глупостей, въ которыхъ сами же и раскаиваются, также объясняется только тѣмъ, что ихъ тормозили сонныхъ, а они, собираясь повер-

нутъся на другой бокъ, спросонья лягнули ногой, не сообразивъ всѣхъ послѣдствій этого.

Таково «существо» «инцидента». Вы видите—оно страшнѣе формальнаго нарушенія приличія. Вы видите также, что это «существо» не такъ то легко исчерпать—нужна работа, вдохновение, нужно зажечься священнымъ огнемъ. Какъ это все не просто! Чаше всего—если этого нѣтъ—то его уже не будетъ, но въ данномъ случаѣ «дѣло» еще можно поправить въ будущемъ. Это будетъ тогда, когда оно найдетъ себѣ талантливаго руководителя, свѣжаго, вдохновеннаго, неутомоннаго, порывистаго, человѣка съ фантазій, но не фантазера (въ родѣ Марджанова), а главное безпкойнаго.

Чтобъ показать, какъ нескладно скроено «дѣло», я хотѣлъ было въ заключеніе разобрать въ составѣ труппы и въ пестромъ безсистемномъ репертуарѣ, но письмо разрослось—и объ этомъ въ другой разъ.

Д—нъ.

Провинція.

Астрахань. 9 октября труппа Струйскаго поставила тургеневскій спектакль. Шли: «Нахлѣбникъ», «Вечеръ въ Сорренто» и «Завтракъ предводителя». Были прочитаны отрывки изъ «Записокъ охотника». Г. Струйскій произнесъ посвященную И. С. Тургеневу краткую рѣчь.

Вильна. Дирекція музыкальнаго общества объявила объ открытіи концертнаго сезона; первый концертъ состоится въ городскомъ залѣ 24 октября при участіи знаменитой клавишницы и пианистки Ванды Ландовской.

Екатеринославъ. 15 октября открыло сезонъ мѣстное отдѣленіе Императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Впервые выступилъ струнный квартетъ одесскаго отдѣленія И. Р. М. О. Въ квартетѣ принимаетъ участіе, въ качествѣ 1-го скрипача, извѣстный по своимъ двумъ концертамъ въ Екатеринославѣ еще въ 1905 г. Я. Ю. Коціанъ.

Елисаветградъ. Объявлены 3 гастролы Орленева. Для первой гастролы идутъ «Призраки».

Кишиневъ. Съ 12 октября въ Благородномъ собраніи играетъ труппа румынской оперетки Конст. Григоріу. Примадонна труппы—г-жа Вяржинья Мичора. Газеты отзываються о ней съ большой похвалой.

Кіевъ. Кіевское художественно-артистическое общество, открывшее 1-го октября зимній сезонъ въ «театрѣ Медвѣдева», принуждено временно пріостановить спектакли, такъ какъ зданіе, совершенно новое, не успѣло высохнуть. Въ дамскихъ уборныхъ на сценахъ вода.

Въ такой сырости приходится актрисамъ и актерамъ переодеваться. Не мудрено, если передъ «Закатомъ» (2-й спектакль этого общества), актеры принуждены были отказаться играть, такъ какъ двѣ актрисы, участвующія въ пьесѣ, заболѣли.

— Въ Кіевѣ въ гостиницѣ «Грандъ-отель» образовалось и функционируетъ литературно-артистическое «кабарэ».

— 5-го октября начался зимній сезонъ въ залѣ коммерческаго собранія. Труппой «художественно-артистическаго» общества была разыграна пьеса Островскаго «Безъ вины виноватые». Въ общемъ спектакль оставилъ благопріятное впечатлѣніе. Кручинину играла г-жа Казина, опытная актриса, которая провела свою роль очень тепло.

Красноярскъ. Дирекція Суходрева поставила «Короля» Юшкевича. Гросмана игралъ г. Злобинъ.

Курскъ. Труппа А. Н. Чечневой. Режиссеромъ приглашенъ бывшій артистъ Художественнаго театра А. И. Андреевъ. Прошли: «Рабство», «Крикъ жизни», «Жизнь падшей», «Безъ вины виноватые», «Преступленіе и наказаніе», «2×2=5», «Вишневый садъ», «Всѣхъ скорбящихъ», «Петербургскія трущобы», «Старый замокъ» (2 раза), «Казенная квартира» (2 раза), «Любовь—сила».

Изъ состава труппы выдѣляются: г-жи В. А. Македонская, Польша, Павловская, Долина и гг. Успенскій, Улановъ, Катанскій, Чечинъ, Пясецкій.

Кутаисъ. Частная антреприза грузинской драмы въ Кутаисѣ ликвидируетъ свои дѣла. Объявленный на 5 октября съ участіемъ Нини Чхеидзе спектакль «Сестра Беатриса» отмененъ вслѣдствіе неплатежа артистамъ жалованья. Пять спектаклей, поставленныхъ антрепренеромъ Баланчивадзе въ текущемъ сезонѣ съ 8 сентября по 5 октября, дали сбора въ общемъ не болѣе 200 р. въ виду чего ко дню ликвидаціи дѣлъ дефицитъ опредѣлился въ 800 руб. Для продолженія спектаклей на остающееся время сезона организовалось това-

рищество изъ того же состава труппы, которое начало играть съ 12 октября пьесой «Сестра Беатриса» при участіи гастролеровъ, причемъ предполагается ставить не болѣе 4 спектаклей въ мѣсяцъ.

Минскъ. 12 октября состоялся концертъ А. Вяльцевой.

Николаевъ. Николаевъ, въ театральномъ отношеніи, особенно послѣдніе 5 лѣтъ, занимаетъ довольно высокое положеніе. Театральные вкусы публики, слѣдящей внимательно за Одессой, до того развились, что антрепренерамъ приходится набирать сильныя и дорого стоящія труппы. За послѣдніе сезоны въ Николаевѣ перебивали: Никулинъ, Коралли-Торцовъ, Ланскій и др. На текущій—театръ снялъ Н. Н. Михайловскій, державшій уже однажды здѣсь театр. Н. Н. Михайловскій составилъ большую труппу (около 40 чел.) и открылъ сезонъ «Царемъ Ѳедоромъ Іоанновичемъ», имѣвшимъ у публики успѣхъ. Для пьесы были специально заготовлены новые костюмы, декорации и проч. Царя Ѳедора игралъ А. П. Харламовъ. Вслѣдъ за «Царемъ Ѳедоромъ» прошли пьесы: «На покое» Куприна, «Казенная квартира» Рышкова, «Власть тьмы» Толстого и «Всѣхъ скорбящихъ» Гейерманса. Всѣ спектакли шли при полныхъ сборахъ и съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Особеннымъ успѣхомъ пользуются: г-жи Роксанова, Рутковская, гг. Михайловскій, Харламовъ, Любошъ, Шмитъ и Юреневъ. Въ ближайшемъ времени обѣщанъ цѣлый рядъ новинокъ, а также утренники для учащихся. Репертуаръ для послѣднихъ составленъ будетъ исключительно изъ пьесъ классическаго репертуара.

А. А—въ.

Нижній-Новгородъ. «Ниж. Листъ» сообщаетъ: «Пьеса Стринберга «Отецъ» («Внѣ закона»), шедшая въ городскомъ театрѣ третьяго дня, сопровождалась сильными истериками. Когда въ послѣднемъ актѣ началась сцена сумасшедствія, въ амфитеатрѣ и ложахъ бельэтажа среди зрительницъ послышались громкіе крики и истерическія взвизгиванья. Черезъ нѣсколько секундъ въ истерикѣ бились четыре женщины, которыхъ принялись извлекать въ корридоръ. По обыкновенію, врача въ публикѣ не оказалось (театральнаго врача еще нѣтъ) и первоначальную помощь бившимся въ истерикѣ зрительницамъ подавали околоточные надзиратели»...

— Въ городскомъ театрѣ происходила жеребьевка среди лучшихъ персонажей драматической труппы П. П. Медвѣдева по распредѣленію бен фисныхъ дней. Первый бенефисъ, 30-го октября, достался Я. В. Орлову-Чужбинину, который предполагаетъ поставить комедію Грибоѣдова «Горе отъ ума». Въ этой пьесѣ бенефициантъ выступитъ въ роли Чацкаго.

Новочеркасскъ. «Донская Жизнь» сообщаетъ: «Неожиданно на новочеркасскихъ театраловъ свалилась оперетка. Маленькая, веселенькая прослойка между Чеховымъ и Шекспиромъ. «Драматическіе» (Крылова) отдыхаютъ и, въ качествѣ публики, развлекаются игривыми мелодіями. Для четырехъ гастрольныхъ спектаклей выбраны наиболѣе музыкальныя оперетки: «Лизистрата», «Ночь любви», «Гейша», «Веселая вдова», въ которой въ заглавной роли выступаетъ г-жа Барвинская. Послѣднимъ спектаклемъ въ бенефисъ г. Чужбинова пошла новая оперетка, музыка которой написана авторомъ «Веселой вдовы» Легаромъ.

«Лизистрата, поставленная 10 октября, прошла бойко и весело».

Оренбургъ. Городской театр. Дирекція Г. Ф. Эстеррейхъ. Составъ труппы: Астарова В. Н. (2-я роли), Волинская М. А. (grand-dame), Глѣбова М. Э. (выходная), Горская Е. В. (драм. и комич. старуха), Жигалова М. В. (выходная), Истомина А. І. (2-я роли), Мельгорская А. Е. (coquette), Невольна С. В. (ingenue comique), Рамина Т. Б. (ingenue dram.), Сербская Н. Ф. (героиня), Томкевичъ А. П. (характерная), Чарина Н. Ф. (выходная), Персианова К. И. (кассирша), Бардинъ В. С. (любовникъ), Вельдеманъ И. Е. (резонеръ), Горскій А. В. (любовникъ-простакъ), Гурко Н. В. (драм. любов.-фатъ), Жигаловъ Ѳ. М. (2-я роли), Истоминъ-Кастровскій В. В. (простакъ-невраст.), Кудрявцевъ К. И. (выход.), Любинъ Я. М. (комикъ), Массинъ М. Л. (драмат. характер.), Морозовъ Н. Г. (2 роли), Муравлевъ-Свирскій В. Д. (герой-резонеръ), Орловъ В. М. (2 простакъ), Рогожинъ В. А. (2 резонеръ), Чадовъ И. С. (2 характер.), Ивановъ А. А. (суфлеръ), Ивановъ Ѳ. В. (парикмахеръ).

Сезонъ открылся 26-го сентября. Прошла: «Казенная квартира». Дальнѣйшій репертуаръ: «Старый закалъ», «Трильби», «Девятый валъ», «Инстинктъ», «Кавалерійская атака», «Чайка», «Женитьба Бѣлугина», «Въ огнѣ», «Дѣти», «Казенная квартира», «Балерина», «Искушеніе», «Цѣна жизни» и «Бѣсы». Главный режиссеръ И. А. Ростовцевъ. Очерредные режиссеры: Я. М. Любинъ и Ивановъ А. А. Помощникъ режиссера Ѳ. М. Жигаловъ. Суфлеръ А. А. Ивановъ. Декораторъ И. Е. Вельдеманъ. Управляющій И. А. Вайерманъ.

Рига. «Прибалт. Край» передаетъ о слѣдующемъ конфликтѣ происшедшемъ между артистами и директоромъ городскаго нѣмецкаго театра. Нѣсколько времени тому назадъ произошелъ разладъ между директоромъ городского театра и артистами. Послѣдніе обвиняютъ новую дирекцію въ нару-

шенія условій, какъ-то: въ неправильномъ удержаніи перспективной платы, нѣ несоблюденіи льготъ, введенныхъ бывшимъ директоромъ нѣмецкаго театра г. Штейномъ и въ т. п. Обиженные хористы театра, принадлежащіе къ «Всеобщему нѣмецкому союзу хористовъ», сообщили о всѣхъ притѣсненіяхъ правленію своего союза. Послѣдній, напечатать объ этомъ въ газетѣ «Фербандс-Цейтунгъ», объявляетъ городскому театру въ Ригѣ бойкотъ, который продолжится до улаженія всѣхъ недоразумѣній.

Вслѣдствіе этого конфликта многіе артисты намѣрены въ концѣ сезона покинуть театр. По слухамъ, въ числѣ покидающихъ здѣшнюю сцену артистовъ, между прочимъ, находятся такіе силы, какъ гг. Бушъ, Фольмеръ, Гагеманъ, Рикертъ и др.

— Объявленъ на 6 ноября концертъ Вальцевой.

Саратовъ. По сообщенію «Сар. Дн.», труппа городского театра лишь на-дняхъ откликнулась на извѣстный кievскій инцидентъ съ г. Ярцевымъ, отправивъ товарищамъ пространную телеграмму, «Порица—сообщаетъ газета—форму протеста, артисты труппы, въ тоже время, привѣтствуютъ самый протестъ».

Надо, признаться, обладать не душами, а резиной, что-бы создать подобную оригинальную форму «протеста-привѣтствія».

Симбирскъ. «Народ. Вѣст.» сообщаетъ слѣдующее о труппѣ Д. С. Булычевой: «Прошло уже болѣе полумѣсяца со дня открытія сезона. Теперь опредѣлились и силы артистовъ и характеръ репертуара. Репертуаръ, какъ видно изъ поставленныхъ пьесъ, приличный: старыя пьесы съ твердо установившейся репутаціей, шесть новинокъ на протяженіи 2-хъ недѣль и наконецъ отсутствіе набившихъ оскомину въ прежніе сезоны кровавыхъ мелодрамъ—лучшаго для Симбирска нечего и ожидать».

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе режиссерская сторона. Въ лицѣ Л. И. Ленскаго Симбирскъ приобрѣлъ серьезнаго, вдумчиваго режиссера-художника.

«Ядро» труппы составляютъ г-жи: Свободина (героиня), Волинская (*ingenue dramatique*), Нинина (*ingenue comique u coquete*), Островская (*grande dame* и характерная) и Щеглова (старуха); г-да: Ланко-Петровский (герой, неврастеникъ и драматическій любовникъ), Нератовъ (резонеръ и характерныя роли) и Сверчковъ (комикъ), Гуровъ и др.

Что касается матеріальнаго успѣха труппы, то приходится сказать, что никогда зимній сезонъ не открывался въ Симбирскѣ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, какъ въ нынѣшнемъ году».

Тамбовъ. 15-го октября въ Купеческомъ собраніи открылся зимній сезонъ драматической труппы Е. А. Ризъ. Для открытія ставится «Мужъ г-жи Шамбурской».

Тифлисъ. 9 октября прошелъ съ большимъ успѣхомъ концертъ извѣстнаго пѣвца цыганскихъ пѣсенъ А. Д. Давыдова.

— Въ субботу, 11 октября, грузинская секція народнаго университета открыла сезонъ своихъ спектаклей пьесой «Вѣѣ Жизни». Спектакли, до полнаго оборудованія народнаго дома, будутъ идти въ авчальской аудиторіи.

— 9-го октября начались спектакли армянскій труппы «Отчимъ домомъ» Зудермана. Заглавную роль исполнила г-жа Сирапуйшъ. Партнерами ея выступили гг. Алиханьянъ, Мануэлианъ и Парандзели. Въ анонсѣ театра обѣщана постановка пьесъ Пшебышевскаго, Гауптмана и др.

— 6-го ноября исполняется 20-тилѣтіе тифлискаго артистическаго общества.

Харьковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, съ открытіемъ оперы сборы въ Городскомъ театрѣ нѣсколько понизились. Это происходитъ изъ года въ годъ. Въ началѣ сезона публика пытается опредѣлить, что лучше, и отъ драмы удаляется въ сторону оперы. И только потомъ, когда у нея составится полное представленіе, она уже весь сезонъ остается вѣрна тому, что болѣе отвѣтило ея требованіямъ. Но при своихъ симпатіяхъ къ музыкѣ она легче мирится съ недостатками оперы, чѣмъ съ недостатками драмы, и послѣдней нужно стоять во всѣхъ отношеніяхъ очень высоко, что-бы конкурировать даже съ самой посредственной оперой. А такъ какъ драма наша ни силами, ни репертуаромъ особенно не выделяется, то очень можетъ быть, что успѣхъ будетъ на сторонѣ оперы. Признаки этого уже имѣются. На оперныхъ спектакляхъ публика проявляетъ больше увлеченія, энтузіазма, одобренія, намѣчаетъ любимцевъ, тогда какъ въ драмѣ этого пока нѣтъ. Кто изъ оперныхъ артистовъ будетъ ея если не кумиромъ, то божкомъ—сказать еще трудно, но въ поставленныхъ въ теченіе недѣли операхъ многіе изъ нихъ имѣли видный успѣхъ, биссировали и награждались апплодисментами. Такъ напримѣръ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ» выделялись г-жи Окунева (Татьяна), Добржанская (няня), Рыбинская (Ольга) и г. Мартовъ (Гремінъ); въ «Фаустѣ»—г. Энгель-Кронъ (Мефистофель); г-жи: Окунева (Маргарита), Добржанская (Зибель); въ «Демонѣ»—гг. Зелинскій (Демонъ) и Долининъ (Синодалъ); въ «Русалкѣ»—г-жа Милова (Наташа), г. Цыгосевъ (мельникъ), г. Долининъ (князь), г-жи Добржанская (княгиня) и Горина (Ольга); въ «Карменъ»—г-жи Карри (Карменъ) Нѣгина (Микаэла), г. Энгель-Кронъ (Торреадоръ) и г. Арци-

мовичъ (Хозе). У г-жи Окуневой красивое лирическое сопрано средней силы, съ ровной звучной серединой и свободными верхами; въ манерѣ пѣнія и драматической трактовкѣ партія видна серьезная школа, обдуманность и хорошій вкусъ. Г. Энгель-Кронъ (басъ-баритонъ) рѣдкій Мефистофель. У него стильная фигура и выразительное лицо; онъ обладаетъ музыкальной интеллигентностью, сценической воспитанностью и общимъ изяществомъ передачи. Голосъ г. Зелинскаго обширнаго діапазона и очень звучный, гибкій и пріятный. Г-жа Нѣгина обладаетъ свѣжимъ сопрано, подкупающимъ своей чистотой и красотой тембра. У г. Цыгосева—басъ средней силы, очень ровный и мягкій, теплаго, пріятнаго тембра артистъ свободно владѣетъ голосомъ, поетъ безъ напряженія и отлично фразируетъ. Г-жа Милова обладательница настоящаго драматическаго сопрано; поетъ увѣренно и играетъ съ увлеченіемъ. Помимо этихъ силъ, опера г. Хирикова располагаетъ хорошимъ многочисленнымъ хоромъ, удовлетворительнымъ балетомъ и декорациями. Не совсѣмъ полно и хороша оркестръ, но это ужъ—не вина антрепренера, хотя составляя его ему все-таки слѣдовало-бы помнить, что онъ собирается играть внѣ черты еврейской осѣдлости.

— Въ Городскомъ театрѣ въ теченіе истекшей недѣли шли: «Нахлѣбникъ», «Женитьба Бальзаминова», «Клубъ самоубійцъ», «Вѣчная сказка», «Дуракъ», «Плоды просвѣщенія», «Ихъ четверо». Въ «Нахлѣбникѣ» великолѣпно былъ г. Бороздинъ. «Женитьба Бальзаминова» прошла чрезвычайно плохо. Г. Колобовъ (Бальзаминъ) грубо шаржировалъ; г-жа Славичъ не давала яркаго типа свахи; г-жа Васильева въ Бѣлотѣловой напоминала не глупую замоскворѣцкую купчиху, а только притворяющуюся глупой курскую помѣщицу. «Дуракъ»—Фульда разыгранъ былъ безукоризненно. Въ этой комедіи хороши были: г-жа Якушева, Постѣхина, Славичъ, Атлантова и гг. Козловъ (Дуракъ), Бартеневъ, Орскій и Тимаковъ, художественно воспроизведшіи судью. Послѣдній—молодой, всего года два-три подвизающійся на сценѣ артистъ, вдумчивый, тонкій, съ большимъ художественнымъ чутьемъ. Въ его замыслѣ и исполненіи всегда много красочности, характерности, чувства художественной мѣры, простоты, разнообразія и естественности.

Въ театрѣ Грикке съ 1 по 4 октября далъ четыре представленія трансформаторъ г. Оттонъ Франкардъ.

В. М.

— «Харьковск. Утро» сообщаетъ: «Безпечальныя» В. А. Рышкова прошли съ успѣхомъ.

Спектакль (постановка Д. А. Александрова) шелъ подъ руководствомъ В. А. Рышкова. Автора вызывали въ каждомъ дѣйствіи и поднесли цвѣты.

— «Власть тьмы», возобновленная на сценѣ городского театра была разыграна очень слабо. «У Никиты Бѣлгородскаго, — по словамъ «Утра», — не доставало драматизма». Возобновляется «Ревизоръ». Въ роли городнича выступитъ Ю. А. Бороздинъ, Хлестакова играетъ А. А. Мурскій, Осипа А. Н. Соколовскій, Ростиковскаго Л. Н. Колобовъ, Пшелепкину М. И. Славичъ, Марію Антоновну—Н. И. Кварталова, унтеръ-офицершу—Е. А. Виноградова.

— Чириковъ далъ согласіе на постановку на сценѣ харьковскаго театра его пьесы «Бѣлая Ворона».

— Дирекція городского театра ведетъ въ настоящее время переговоры съ г. Найденовымъ относительно постановки «Дѣтей Ванюшина». Пьеса пойдетъ съ новымъ 4-мъ актомъ и авторъ соглашается пріѣхать въ Харьковъ для участія въ постановкѣ.

— Дирекціей городского драматическаго театра послана московскому Художественному театру слѣдующая телеграмма: «Въ знаменательный день десятилѣтія горячо привѣтствуемъ первый русскій Художественный театр—храмъ».

— Спектакли въ театрѣ собранія приказчиковъ очень охотно посѣщаются.

— По случаю 10-лѣтняго юбилея существованія Художественнаго театра, редакция «Южнаго Края» послала слѣдующее привѣтствіе:

«Редакція газеты «Южный Край», шлетъ поздравленія московскому Художественному театру и пожеланія дальнѣйшихъ успѣховъ на славу родной сцены».

— Въ Маломъ театрѣ дѣлаютъ сборы гастролі М. Л. Кропивницкаго.

Ярославль. Поставленная для открытія сезона въ Новомъ театрѣ «Снѣгурочка» прошла—по сообщенію «Яр. Отг.»—при полномъ зрительномъ залѣ и съ внѣшнимъ успѣхомъ.

Редакторы-издатели { Л. Г. Мунштейнъ (Solo).
Э. М. Бескинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛѢ ВСѢХЪ.

Общедоступный, литературно-критическій, общественно-политическій иллюстрированный ежемѣсячный журналъ.
Слѣдую лучшимъ традиціямъ „Журнала для всѣхъ“, новый журналъ будетъ отражать всѣ явленія русской и иностранной общественно-политической жизни въ безпристрастномъ и всестороннемъ освѣщеніи, чуждомъ узкопартийныхъ тенденцій. Избѣгая политической односторонности, журналъ будетъ преслѣдовать преимущественно культурныя задачи.
Удѣляя обширное вниманіе наболевшимъ вопросамъ общественной жизни, редакция широко ставитъ отдѣлы: литературный, критико библиографическій и популярно-научный.

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ—Леонидъ Андреевъ, М. Арцыбашевъ, Л. Андреевъ, Д. Айзманъ, Ник. Архиповичъ, Шоломъ Ашъ, В. Башкинъ, В. Березинъ, И. Бунинъ, А. С. Гринъ, Яковъ Гординъ, А. Купринъ, А. Каменскій, Карменъ, В. Муйжель, Н. Олигеръ, И. Потапенко, А. Ремизовъ, А. Россельевъ, Н. Рукавишниковъ, С. Сергѣевъ-Ценскій, И. Соломинъ, Танъ (Богородъ), Н. Тимковскій, Е. Чириковъ, О. Чумина, Г. Чулковъ, Дм. Цензоръ, И. Щегловъ, Т. Щенкина-Кушнерникъ, А. Яблоновскій и др.
ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ—В. Агафоновъ, Н. Ашешовъ, П. Берлинъ, Н. Борейскій, В. Водовозовъ, А. Дживилеговъ, Ю. Дилевскій, И. Тимковскій, проф. Д. В. Кузьминъ-Караваевъ, П. Мижуевъ, Н. Морозовъ (иллусельбургецъ), М. Лемке, проф. Н. Карѣвъ, проф. И. Озеровъ, проф. А. Погодинъ, проф. Е. Тарле, М. Семеновъ, проф. М. Туганъ-Барановскій, В. Тотоміацнъ, И. Южанинъ и др.

ОТДѢЛЪ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФІИ—Проф. О. Батюшковъ, А. Горнфельдъ, С. Венгерова, проф. Н. Котляревскій, проф. Освянико-Куликовскій, К. Чуковский и др.

ОТДѢЛЪ ИСКУССТВЪ—Ал. Бенуа, И. Гинзбургъ, И. Лазаревскій, А. Оссовскій, И. Рѣпинъ, Н. Рерихъ, Н. Эфросъ и др.

ПЕРВАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА ВЫЙДЕТЪ ВЪ НАЧАЛѢ НОЯБРЯ 1908 года въ объемѣ 8-ми обычныхъ печатныхъ листовъ (120—130 стр.) съ иллюстраціями въ текстѣ.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ. Допускается разсрочка: 1 руб. при подпискѣ и 1 руб. къ 1-му апрѣля. За границу—4 руб.

Подписавшимся до 1-го ноября (для Сибири и окраинъ—15-го ноября) ноябрьская и декабрьская книжки будутъ высылаться бесплатно.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Свѣчной, 16.

Сенсаціонная новинка Берлинскаго „Kleines Theater“,

„2x2=5“

комедія-сатира въ 4 дѣйствіяхъ Густава Вилла, переводъ Л. Мунштейна (Lolo) и Э. М. Бескина. Къ представленію дозволена 23 апрѣля 1908 г., № 4212. Въ этомъ переводѣ пьеса включена въ репертуаръ театра Корша 1908—1909 г.

Цѣна 2 рубля.

Съ требованіями обращаться: Москва, Георгіевскій пер., театральная бібліотека С.О. Разсохина.

Изданіе журнала „Рампа“.

РЕПЕРТУАРНАЯ НОВИНКА ПРЕДСТОЯЩАГО
ЗИМНЯГО СЕЗОНА

„ДУРАКЪ“.

Ком. въ 4-хъ д. Людвига Фульда. Пер. съ нѣмецкаго Э. М. Бескина и Ф. Р. Къ представленію дозволена 3-го іюля 1908 г. № 6441.

== Цѣна 2 руб. ==

СЪ ТРЕБОВАНІЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ:

Москва, Мясницкая, д. № 20, редакция журн. „Рампа“, при типографіи Московскаго т-ва Н. Л. Казецкаго.

Слабыя жежщихы.

ОТКРЫТІЕ ЧУДЕСНАГО ПИТАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА.

Только женщина можетъ понять, что за ужасъ быть слабой и больной. Много лѣтъ я не находила себѣ покою и не испытывала радости жизни. Я была

нервна, возбуждена, даже истерична. Страдала частыми головными болями, бессонницей, болью въ поясницѣ, слабостью, сердцеміемъ и въ числѣ другихъ крайностей, особенной сонливостью.

Я обращалась за совѣтомъ къ первѣйшимъ авторитетамъ медицины, лѣчилась ваннами, даже подвергалась, по совѣту врача, легкой операціи. Но все это помогало лишь временно. Однажды я, воспользовавшись лѣтнимъ отпускомъ, поселилась въ домъ одного престарѣлаго медика, который послѣ долголѣтняго преподаванія въ знаменитомъ высшемъ учебномъ заведе-

ніи, удалился на покой. Этотъ ученый посовѣтовалъ мнѣ не обращаться больше къ медицинѣ, такъ какъ, чѣмъ больше я буду принимать всякихъ тинктуръ, пилюль и т. п., тѣмъ хуже стану себя чувствовать. Онъ предложилъ для меня химическій питательный препаратъ, который я должна была принимать ежедневно, по

2 чайныхъ ложки, онъ увѣрялъ меня, что я скоро выздоровѣю.

ЕЖЕДНЕВНОЕ УВЕЛИЧІВАНІЕ ВѢСА.

Я послушалась совѣта этого любезнаго ученаго. Почти моментально мое здоровье улучшилось. Вѣсъ моего тѣла увеличился, аппетитъ улучшился, сонъ сталъ спокойнѣе, нервы улеглись; я не чувствовала больше ни слабости, ни боли. Никогда еще я не чувствовала себя такой бодрой и довольной. Жизнь казалась мнѣ не мученіемъ, какъ раньше, а радостью. Въ нѣсколько часовъ я могла сдѣлать то, для чего раньше нуженъ былъ цѣлый день. Съ того времени я наслаждаюсь полнымъ здоровьемъ.

Зная, что я не одна страдаю подобной слабостью, особенно частой у женщинъ, я приобрѣла этотъ драгоцѣнный рецептъ и поручила толковому химику заготовить препаратъ въ большомъ количествѣ. Я назвала препаратъ „Альбукола“ и высылала его тысячамъ женщинъ всякаго возраста, при чемъ результаты всегда были поразительны. Въ этомъ могутъ всякаго убѣдить ежедневно получаемыя мною отовсюду письма, въ которыхъ превозносится „Альбукола“.

Бесплатно вѣстмъ женщинамъ.

Такъ какъ я желаю, чтобы каждая женщина, здоровье которой неудовлетворительно, испытала дѣйствіе „Альбукола“, то по первому требованію высылаю пробный пакетикъ бесплатно по полученіи точнаго адреса и 2-хъ 7 коп. марокъ на пересылку.

Рита Нельсонъ, Москва, Б. Лубянка, домъ Морель, № 84.

1903

1909.

ИМПЕРАТОРСКОЕ РУССКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО.

Московское Отдѣленіе.

БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ (Больш. Никитская, собств. домъ).

ДЕСЯТЬ ИСТОРИЧЕСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

при участіи большого симфоническаго оркестра и хора подъ управленіемъ

С. Н. Василенко и Ю. С. Сахновскаго,

съ участіемъ **Ю. Д. Ангеля** (вступительн. слово, предшествующее каждому концерту). Солистами приглашены: Ванда Ландовска, Телемакъ Ламбрино, М. Н. Мейчикъ, Э. Ш. Чернецкая ф.-п.; Т. Х. Бубекъ, Ф. Э. Цабель, Жакъ Хандшинъ (органъ); Б. О. Сиборъ (скрипка); С. М. Козолуповъ (виолончель); Е. В. Копосова, М. В. Владимірова, Л. Г. Звягина, А. В. Богдановичъ и И. В. Грызуновъ (цѣніе).

Начало концертовъ въ 1 часъ дня, кромѣ 1-го концерта, который состоится въ субботу, 11-го октября, въ 8 час. вечера.

Концерты назначены въ слѣдующіе дни: 11 октября (вечерній концертъ), 26 октября, 9, 16 и 30 ноября, 14 декабря, 11 и 25 января, 15 и 21 февраля.

ЦѢНА АБОНЕМЕНТНЫМЪ БИЛЕТАМЪ НА ДЕСЯТЬ КОНЦЕРТОВЪ:

а) ПАРТЕРЪ: кресла всѣхъ рядовъ—15 руб., стулья 1—14 ряд.—12 руб. 50 к., стулья 15—18 ряд.—10 руб. б) АМФИТЕАТРЪ: середина 1—3 ряд.—10 руб., боковыя мѣста 1—3 ряд.—7 руб. 50 к., 4—10 ряд.—6 руб. в) II АМФИТЕАТРЪ: 1—9 ряды и добавочныя мѣста—4 руб., мѣста въ ложахъ и галлерей—3 руб.

При покупкѣ абонементныхъ билетовъ допускается разсрочка: вносится за 6 концертовъ, и выдается билетъ на первые 5; другая часть абонементной суммы вносится передъ 6 концертомъ, и выдается билетъ на остальные 5 концертовъ. Касса большого зала открыта: въ будни отъ 10 до 5 час.

дня, въ праздники отъ 1 до 4 час. дня. Обмѣнъ прошлогоднихъ абонементныхъ билетовъ на новые будетъ производиться до 15 сентября включительно, а съ 16 сентября всѣ оставшіеся билеты поступаютъ въ общую продажу.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА

„Современный Польскій Театръ“.

Содержаніе: 1) Ихъ четверо, трагедія глупыхъ людей въ 3 д., соч. г. Запольской (авторъ пьесы „Нравственность Госпожи Дульской“), 2) Въ маленькомъ домику, драма въ 3 д., соч. Т. Ритнера, 3) Артистка, мон. въ 1 д., соч. Сыгетинскаго. Пер. К. Бравича. Цѣна 1 руб.

Вышла въ свѣтъ и
продается въ книжныхъ магазинахъ
НОВАЯ КНИГА:

ЗАИКАНИЕ.

ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ, УСТРАНЕНІЕ ВЪ ПЕРВОМЪ ПЕРІОДѢ РАЗВИТІЯ ЕГО У РЕБЕНКА И ЛѢЧЕНІЕ. Практическое руководство для родителей, воспитателей, преподавателей и врачей, а также для самостоятельнаго примѣненія.

Составилъ И. И. ГИМИЛЛЕРЪ, дир.-учред. лѣчебницы для страд. заиканіемъ въ Москвѣ. Ц. 2 руб. 75 коп. безъ перес. (Разм. 4X6 верш., XVI+266 стр., съ 24 рис. въ текстѣ) Складъ изданія у автора (Москва, Николо-Ямская, д. 11). Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ; налож. плат. на 10 к. дорож. Марки въ уплату не принимаются.

== Подробное объявленіе о книгѣ высылается бесплатно. ==

МОЗОЛЬНЫЙ ПЛАСТЫРЬ

А. К. ЦИГЛЕРЪ.

СТАРЫЕ ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО ОТЪ МОЗОЛЕЙ УНИЧТОЖАЕТЪ ЗАСТАРѢВШІЯ МОЗОЛИ СЪ КОРНЕМЪ ВЪ НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ.

ЦѢНА 30 и 50 коп.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Главный складъ настоящаго мозольнаго пластыря у А. К. ЦИГЛЕРЪ.

МОСКВА, МАЛЫЙ НАЗЕННЫЙ ПЕР., ДОМЪ ФЛЕГОНТОВА.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

ПОСЛѢДНІЯ НОВИНКИ

Вѣнскихъ и Берлинскихъ драм. театровъ

въ авторизов. переводѣ **Мавр. Туршмана**
(Репертуаръ театра **О. А. Корша**).

- 1) „СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ“, сенсационная комедія въ 4-хъ дѣйств.
- 2) „БРАЧНЫЙ ВОПРОСЪ“, офиц. драма въ 3-хъ дѣйств., Френца Вольфа.
- 3) „СТРОИТЕЛИ СЕМЬИ“, семейная драма Свэнъ Лангъ.
- 4) „ГОЛОСЪ НЕСОВЕРШЕННОЛѢТНЕЙ“, пьеса въ 3-хъ дѣйств., Свэнъ Лангъ.
- 5) „ПО ДОРОГѢ ВЪ ДЕПУТАТЫ“, ком. въ 3-хъ дѣйств., К. Фейнбергъ (репертуаръ Вѣнскаго Bürgertheater).
- 6) „ПАРИЖСКІЯ ТѢНИ“, 5 картинъ изъ жизни, Ф. Филиппа.

Безусловно дозволены къ представлению.

Выписывать можно отъ издателя: Театральная библиотечка **М. А. Соколовой**, Москва, Тверская, Газетный пер., домъ Фальцъ-Фейна.

Пьесы Б. КАМНЕВА.

- 1) „Гдаль“, драм. этюдъ въ 1-мъ дѣйств. по Э. Орженко. Цѣна 50 коп.
- 2) „За ночь любви“, каррикатура въ 1-мъ дѣйств. Цѣна 50 коп.

Къ представлению разрѣшены безусловно.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Рампа“.

Дьяволъ (Чортъ)

Ком. въ 3-хъ д. изъ совр. жизни Фр. Мольера, перев. Е. Я. Берлинга и Д. Д. Языкова. Реперт. театра Корша текущ. сезона.

Цѣна 2 рубля.

Изд. библиотечки **М. А. Соколовой**, (Москва, ул. Тверской и Газетнаго, д. Фальцъ-Фейна).

„ШУТЫ“

комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ Замокоса, въ стихотворномъ переводѣ **Лолю** (Л. Мунштейна). Реперт. театра Корша.

Цѣна 1 руб.

Продается въ редакціи „Рампа“.

ПОСЛѢДНЯЯ НОВИНКА СЕЗОНА

„Нагая женщина“

Пьеса въ 4 д. Батайля, перев. Е. Я. Берлинга и Д. Д. Языкова (въ этомъ переводѣ принята къ постановкѣ на сценѣ театра Корша).

Безусл. разрѣш. къ представлению.

Цѣна 1 рубль.

Продается въ редакціи журн. „Рампа“.